

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 15 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., к.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Вопросы права и правовой техники в исторической ретроспективе

- Плоцкая О.А.** Правовая информация как институт регулирования правовых отношений в обычном этническом праве коми-зырян в XIX–начале XX вв. 3
- Ситникова А.И.** Изменения уголовного законодательства в эпоху законопроизводства 8
- Исаев И.А.** Право, техника и власть 13
- Колоколов Н.А.** Эволюция судебной власти: историко-правовой аспект. Суд в России и СССР 22
- Дабижка Т.Г.** История развития независимого правозащитного института адвокатуры в дореволюционный период 27
- Лановая Г.М.** Различия права и морали: ценностный аспект 33
- Беляева О.М.** Вопросы толкования права через призму учения Г.Ф. Шершеневича 37
- Смирнов С.А.** История наследственной трансмиссии в российском праве в досоветский период 41
- Шевелева К.В.** Об истоках дактилоскопии 46
- Правовое воспитание: очерки теории и практики**
- Блинова В.В.** Деятельность детских приемников-распределителей в годы Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект 49
- Калуцких А.М.** Роль Русской православной церкви в исправлении осужденных к лишению свободы: исторический аспект 54
- Яковец Е.Н.** Угрозы информационной безопасности Советского Союза в середине 1960-х–начале 1980-х гг. и организационно-правовые меры по их нейтрализации 59

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtog@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 21.06.2016

Номер вышел в свет 11.08.2016

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Почта России — 10866;

«Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 15 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay

for publication of their articles.

Issues of Law and Legal Engineering in Historical Retrospective

- Plotskaya O.A.* Legal Information
as a Legal Relations Regulation Institute
in Customary Ethnic Law of Komi-Zyrians
in the XIX — the Beginning of the XX Centuries 3
- Sitnikova A.I.* Amendments in Criminal Legislation
in the Law Production Period.....8
- Isaev I.A.* Law, Engineering, and Power.....13
- Kolokolov N.A.* Evolution of Judicial Power:
Historical Legal Aspect. Court in Russia
and the Union of Soviet Socialist Republics.....22
- Dabizha T.G.* History of Development of Advocacy
Independent Human Rights Institute in the Pre-
Revolutionary Period.....27
- Lanovaya G.M.* Differences of Law and Morality:
Value Aspect.....33
- Belyaeva O.M.* Issues of Law Interpretation
through the Prism of Doctrine of G.F. Shershenevich.....37
- Smirnov S.A.* History of Inheritance Transmission
in the Russian Law in Pre-Soviet Period 41
- Sheveleva K.V.* On Dactyloscopy Origins.....46

Legal Education: Features of Theory and Practice

- Blinova V.V.* Activity of Children Reception Centers
in the Great Patriotic War Years:
Historical Legal Aspect 49
- Kalutskikh A.M.* Role of the Russian
Orthodox Church in Correction of Persons Convicted
to be Deprived from Freedom: Historical Aspect 54
- Yakovets E.N.* Threats to Information Security
of the Soviet Union in the Middle of 1960s —
the Beginning of 1980s and Organizational
Legal Steps to Neutralize Them 59

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 21.06.2016
Issue was published 11.08.2016

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

Russian Post — 10866;
"United Catalogue" — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Правовая информация как институт регулирования правовых отношений в обычном этническом праве коми-зырян в XIX — начале XX вв.*

*Плоцкая Ольга Андреевна,
доцент кафедры истории и теории государства и права
Коми республиканской академии государственной
службы и управления, член-корреспондент
Международной академии образования,
кандидат юридических наук, доцент
olga.plochkaya@mail.ru*

Статья посвящена исследованию роли правовой информации как института регулирования правовых отношений в обычном этническом праве коми-зырян в XIX — начале XX вв. Представлены виды, особенности, способы передачи правовой информации у коми-зырян в рассматриваемый период. Особое внимание уделяется анализу места правовой информации в обычном этническом праве зырян.

Методологическую основу исследования составляет социологическая феноменология, раскрывающая восприятие индивидом окружающего мира через призму сложившихся в реальности субъективных представлений и значений.

Ключевые слова: *правовой обычай, правовая информация, коми-зыряне, обычно-правовые отношения, гражданско-правовые отношения, правовое воспитание, правовая культура, обычное зырянское право.*

Legal Information as a Legal Relations Regulation Institute in Customary Ethnic Law of Komi-Zyrians in the XIX — the Beginning of the XX Centuries

*Plotskaya Olga A.,
Assistant Professor of the Department of History and Theory of State and Law
of the "Komi Republican Academy of State Service and Administration"
Correspondent Member of the International Academy of Education,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article is devoted to study of the role of legal information as a legal relations regulation institute in the customary ethnic law of Komi-Zyrians in the 19th — the beginning of 20th centuries. Presented are types, features, means of transfer of legal information of Komi-Zyrians in the considered period. Special attention is paid to analysis of the legal information place in Zyrians' customary law.

The methodological basis of the study is formed by sociological phenomenology revealing the perception of the outside world by the individual through the prism of subjective representations and meanings that have taken shape in the reality.

Key words: *legal custom, legal information, Komi-Zyrians, customary law relations, civil law relations, legal education, legal culture, customary Zyrian law.*

Исследование роли правовой информации как института регулирования правовых отношений в обычном этническом праве коми-зырян в XIX — начале XX вв. в современных условиях представляется все более актуальным. Пристальное внимание к данной теме исследования свидетельствует о необходимости обращения к сложившимся правовым традициям, в процессе решения задач

передачи правовой информации. Необходимо знакомить население с правовым опытом и традициями, образами и идеалами поведения народа в прошлом, где уровень передачи и усвоения правовой информации (без современных средств ее передачи) и соответственно уровень правовой культуры как общественного состояния правовой жизни общества являлся достаточно высоким.

Занимая и сегодня определенную нишу в правовом пространстве нашей страны, юридические обычаи, формировавшиеся в общественной жизни народа на протяжении мно-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ и Республики Коми, проект № 14-13-11001а(р) «Этно-правовой мир коми (зырян)».

гих веков, являлись регулятором процесса обеспечения жизнедеятельности общества. Обычное этническое право сохранило свой регулятивный и информационный потенциал, не утратило своего значения для правового развития народов, входящих в состав Российской Федерации. В современной правовой системе Российского государства необходимо учитывать сформированные в течение многих веков особенности не только обычно-правовых систем субъектов РФ, но и роли правовой информации как института регулирования правовых отношений в обществе, что повысит, в свою очередь, эффективность всей правовой системы России.

Специальное комплексное изучение роли правовой информации как института регулирования правовых отношений в обычном этническом праве коми-зырян в XIX — начале XX вв. не составляло самостоятельного предмета исследования ни диссертационных, ни монографических научных трудов. Однако различные теоретические аспекты объекта исследования неоднократно находились в центре внимания ученых.

В отечественной историографии практически нет специальных юридических исследований, посвященных рассматриваемой теме. Данная проблема прежде не подвергалась отдельному научному анализу, что подтверждает необходимость проведения исследования в означенной сфере.

«Правовая информация — это сведения о фактах, событиях, предметах, лицах, явлениях, протекающих в правовой сфере жизни общества, содержащихся как в нормах права, так и в других источниках, и используемая при решении правовых задач»¹. Регулируя отдельные элементы хозяйственной, социальной, экономической, правовой, культурной деятельности общества, она обладает всегда определенной социальной значимостью. Рассмотрим обычно-правовые отношения и их особенности, возникающие при осуществлении таких информационных процессов, как сбор, переработка, накопление, передача и распространение правовой информации у коми.

Одной из особенностей обычного зырянского права являлась устная передача информации, содержащая юридические или правовые обычаи в течение длительного времени. У народов, обладавших письменностью, закрепление и передача правовой информации

происходили не только устно, но и в письменных источниках, и в фольклоре. У народов, долгое время не имевших ни собственной, ни привнесенной письменности или утерявших ее (как, к примеру, у коми), выражение и передача обычно-правового опыта происходило в основном в виде знаков, символов, устных фольклорных источников.

Устная передача информации происходила в силу того, что письменно правовые обычаи не фиксировались, а сохранялись и передавались на протяжении веков в устной традиции, в правовой культуре, в процессе правового воспитания. Веками формировавшиеся правовые обычаи, являлись не только основным источником права, но и регулятором процесса обеспечения жизнедеятельности общества, а также правопорядка в нем. Правовые обычаи представляли собой преемственно сложившиеся, конкретизированные правила поведения, которые регламентировали поведение конкретных субъектов права в их взаимоотношениях как между собой, так и с социумом. Общество формировало среду, в которой существовали правовые обычаи. Таким обществом в рассматриваемый период у коми-зырян являлся замкнутый в сфере собственных интересов и нужд общинный мир, регламентирующий свое поведение, прежде всего, нормами обычного этнического права и частично нормами позитивного права.

Соответственно, правовая информация, передаваемая в обычном зырянском праве, хотя и не фиксировалась в контексте правового акта, однако содержала общеобязательные для всех членов общества правила поведения.

Современное информационное право «имеет свои собственные институты (институт массовой информации, институт документированной информации, институты информации ограниченного доступа) и использует хорошо известные институты права (например, институты интеллектуальной собственности)»². Некоторые из названных институтов были характерны для зырянского обычного этнического права. Так, например, институт массовой информации, предназначенный для неограниченного круга лиц, в зырянском обществе применялся, так как благодаря его реализации нормы и институты обычного зырянского права не только признавались зырянским обществом как обще-

¹ Шмелев А.А. Что такое правовая информация. URL: <http://jurprofs.ru/pages.php?p=406> (дата обращения: 25.05.2013).

² Копылов В.А. От правовой информатики — к информационному праву. URL: <http://www.internet-law.ru/info/unesco/tom2.htm>

обязательные в различных сферах гражданско-правовых, брачно-семейных отношений и т.д., но и распространялись и фиксировались в ряде случаев в виде родовых знаков как особая правовая информация, говорящая о принадлежности объекта тому или иному собственнику. Например, у коми-зырян хозяин-рыбак на собственные орудия труда наносил свой родовой знак «пас», закрепляя индивидуальные права. Такой же «пас» рыбак наносил и на выловленную им рыбу, что в свою очередь не только определяло его правомочия собственника, но и являлось носителем правовой информации в отношении данной вещи. Поэтому в отношении индивидуального рыболовецкого инвентаря и пойманной рыбы у коми-рыбака возникало не только право пользования и владения, но и право распоряжения вещью, позволявшее собственнику по своему усмотрению определять юридическую судьбу индивидуализированного имущества, а «пас» информировал других об этом.

Подобный правовой обычай устанавливал порядок, при котором продукты промысла, попавшие в ловушки или временно оставленные при производстве промысла в угодьях общего пользования с родовым знаком «пасом», считались неприкосновенными для других промысловиков и прохожих. Уличенного в хищении из чужих ловушек, амбаров наказывали битьем или изгоняли на несколько лет из тех угодий, в которых он мог раньше заниматься промысловой деятельностью.

Правовая информация в обычном этническом праве коми-зырян материально, за исключением «пасов», не была письменно выражена. Однако обычное зырянское право требовало от правовой информации соблюдения определенных требований, таких как: ее актуальность и практическая значимость, достоверность, полнота.

Так, применяемая правовая информация на промыслах являлась практически значимой. Здесь использовались такие установки и запреты, как: нельзя было загрязнять воду реки отходами от добычи; при охоте нельзя было убивать лишнюю добычу; нельзя оставлять незатушенным костер в тайге; запрещалось убивать глухарку на току, мусорить на тетеревиных токах; весной не разрешалось стрелять уток и собирать птичьи яйца³ и т.д. Во время ведения промысла выделялись такие проступки, как неуважение к товарищу,

сквернословие, сварливость, уклонение от коллективных работ по лагерю. Подобные проступки подвергались строгому осуждению со стороны соплеменников.

Среди юридических свойств информации, проявляющейся в обычно-правовых отношениях у коми-зырян, необходимо назвать следующие:

— при передаче информации, в том числе и правовой от одного индивида к другому, процедура отчуждения носителя информации не происходила, так как материально носитель не выделялся;

— информация, в том числе и правовая, в зырянском обществе включалась в оборот в виде вербальных носителей, символов, знаков, а потому ее сложно отделить от «создателя» и существовать она отдельно и не завися от него, не может;

— распространение особенно обычно-правовой информации без изменения ее содержания ограничивалось, как правило, границами проживания этно-локального общества;

— отсутствие организационной формы для информации (например, документов, фондов документов, архивов и др.). Поэтому не существовало таких информационных вещей, как специализированные документы, громоздкие организационные информационные структуры.

Правовая информация передавалась чаще всего устно или с помощью семиотических знаков. Такой способ передачи правовой информации является возможным и по сей день благодаря сохраненному у коми-зырян правовому воспитанию подрастающей молодежи, так как это определенная целенаправленная деятельность по передаче из поколения в поколение правового опыта, правовой культуры, правовых идеалов, а также порядок по разрешению появляющихся конфликтов в обществе. Основной целью правового воспитания являлось развитие правового сознания как отдельного индивида, так и правовой культуры всего общества. Правовое воспитание направлено на формирование правосознания и правовой культуры индивида. Чем выше уровень правовой культуры и правового сознания у населения, тем меньше совершается противоправных и антиобщественных деяний и соответственно меньше «поле деятельности закона».

Уровень правовой культуры населения, который основывается на нравственном сознании, был высок. Отдельная личность как носитель правовой информации стремилась поступать в соответствии с предпи-

³ Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX века. М., 1983. С. 167.

саниями обычно-правовых норм. «Косвеннымъ доказательствомъ честности зырянъ служить отсутствіе в ихъ языке кореннаго собственнаго слова, означающаго понятіе «воровство». По ижемскому наречію воръ обозначается словомъ «гусьясьись», которое производится от русскаго же слова «гусь» (подобно выраженію «вотътакъ гусь!»). Доказательствомъ честности зырянъ служить отсутствіе замковъ и въ настоящее время: все помещенія, даже амбары съ имуществомъ и хлебомъ, запираются простымъ деревяннымъ засовомъ»⁴.

Зырянская обычно-правовая практика воспитывала уважение к традиционным существующим веками народным ценностям, которые реально отражались и в общественном сознании, и в повседневной деятельности людей.

В обычном зырянском праве существовала и информация индивидуально-правового характера, которая имела юридическое значение, она исходила от различных субъектов правоотношений, которые не были наделены властными полномочиями.

Например, правовую информацию индивидуально-правового характера несли брачные договоры. Так как при вступлении в брак решающую роль играли материальные мотивы, то практиковались брачные договоры. Их заключали не брачующиеся лица, а их родители или старшие родственники. Распространенной формой был калымный брак.

Обычное этническое право детально регламентировало условия уплаты калыма как своеобразной платы или выкупа, вносившегося женихом родителям или родственникам невесты. Договор, предусматривавший размер, вид калыма и время его внесения, имел юридическую силу и являлся важнейшим актом заключения брака.

Также правовую информацию индивидуально-правового характера несли устные договоры: о намерении родителей поженить детей при проведении такой свадебной обрядовой церемонии как рукобитие⁵; гражданско-правовые договоры, которые коми-зыряне применяли в отношениях между собой. Они заключались в устной форме, давая честное слово. Многие торговые сделки заключались в устной форме, так как устной

фразы о гарантировании оплаты было достаточно, чтобы считать договор заключенным. «...По причине честности зырянъ все денежные и торговые сделки заключаются съ ними на честное слово, без всяких документовъ, достаточно зырянину сказать: «вотъ тебѣ веськыдъ кы» — даю тебе честное слово — чтобы всякій, знающій этотъ народъ, безусловно ему поверилъ»⁶.

Так как различные виды социальной информации, особенно правовой, всегда являлись необходимым средством осуществления общинными зырянскими органами своих полномочий, поэтому среди разнообразных мероприятий, направленных на повышение эффективности жизнедеятельности самой общины, немаловажное значение имело совершенствование информационного обеспечения зырянского населения, проживавшего в рассматриваемый период в общине.

Правовая информация играла важную роль в обеспечении эффективного осуществления членами зырянских общин хозяйственно-экономической деятельности. Так как при ведении хозяйственно-экономической деятельности зырянам приходилось вступать в гражданско-правовые и иные правоотношения с различными представителями иных этносов: русскими, ненцами, манси и т.п. «Ижемские зыряне издавна ведут новую торговлю с галичанами, ездят с произведениями своего края едва ли не на все главные ярмарки, существующие в Российской империи...»⁷; «...строго честны зыряне и в исполнении долговых обязательств. Они не знают никаких письменных условий и договоров: честное слово — «вот тэд-веськыдкы» — заменяет у них всякие расписки, заемные письма и т.п. Употребляется также пас (знак), то же, что наша бирка, но не для доказательства прав кредитора, а для памяти — на случай, если при подобных расчетах возникнут между ним и должником недоразумения»⁸; «в долговых между собой обязательствах зыряне вовсе не знакомы с векселями и расписками, но выполняют их на слово всегда, в срок и с величай-

⁴ Ермилов Н.Е. Поездка на Печору. Путевые заметки. Архангельскъ, 1888. С. 62.

⁵ См.: Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков. М., 1860. С. 73; Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми. Обряды и причитания. Сыктывкар, 1968. С. 102.

⁶ Ермилов Н.Е. Указ. соч. С. 62.

⁷ Истомин М.Ф. Об этимологических формах ижемско-зырянского языка с присовокуплением сборника зырянских слов // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В.А. Лимеровой. Сыктывкар, 2010. С. 93.

⁸ Попов К.А. Зыряне и зырянский край // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В.А. Лимеровой. Сыктывкар, 2010. С. 138.

шей точностью»⁹. Из приведенных примеров можно заметить, что правовое регулирование хозяйственно-экономических отношений с участием зырян строилось не только на нормах позитивного права, т.е. на общероссийском законодательстве, но и на зырянских обычно-правовых нормах, которые и содержали в себе правовую информацию.

Обеспечение соответствующей необходимой обычно-правовой информацией всегда имело существенное значение не только для гражданско-правовых отношений зырян, но и для укрепления правовой дисциплины и порядка, а также для профилактики правонарушений в зырянских общинах. Целенаправленное доведение правовой информации определенного содержания (например, о видах правонарушений и наказаний в соответствии с нормами обычного этнического права) до сведения зырянского населения оказывало профилактическое и сдерживающее влияние на лиц, которые возможно были предрасположены к совершению правонарушений. Поэтому практически все исследователи XIX века отмечали низкий уровень преступности среди зырян.

Правовая информация индивидуально-правового характера содержалась и в письменных жалобах, порождавших юридические последствия. Зыряне были склонны затевать судебные процессы и разбирательства по различным поводам, так как верили государственному правосудию и в справедливость выносимых им решений¹⁰.

Правовая информация в зырянском обычном этническом праве была более статична, нежели сегодня в период начавшегося становления информационного общества.

Обычное право и мораль, являясь социальными регуляторами отношений, используя правовую информацию, могли обеспечить нормальное функционирование, полноценное развитие отношений между людьми в этно-локальном обществе. В отличие от такого общества, сегодня, в век информационных технологий на эти социальные регуляторы, а особенно на мораль воздействуют различные PR-факторы и компании, которые могут деформировать морально-нравственные установки людей, изменять их представления о справедливости, о добре (зле).

Таким образом, правовая информация как институт регулирования правовых отношений в обычном этническом праве у коми-зырян в прошлом имела огромное значение. Передаваясь из поколения в поколение, она способствовала регулированию правоотношений в зырянском обществе.

Литература

1. Ермилов Н.Е. Поездка на Печору. Путевые заметки / Н.Е. Ермилов. Архангельск, 1888. С. 62.
2. Истомин М.Ф. Об этимологических формах и жемско-зырянского языка с присовокуплением сборника зырянских слов / М.Ф. Истомин // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В.А. Лимеровой. Сыктывкар, 2010. С. 93.
3. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX века / Н.Д. Конаков. М., 1983. С. 167.
4. Михайлов М.И. Физические и нравственные свойства зырян / М.И. Михайлов // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В.А. Лимеровой. Сыктывкар, 2010. С. 77.
5. Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми. Обряды и причитания / Ф.В. Плесовский. Сыктывкар, 1968. С. 102.
6. Попов К.А. Зыряне и зырянский край / К.А. Попов // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В.А. Лимеровой. Сыктывкар, 2010. С. 138, 141.
7. Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков / Н.А. Рогов. М., 1860. С. 73.

⁹ Михайлов М.И. Физические и нравственные свойства зырян // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В.А. Лимеровой. Сыктывкар, 2010. С. 77.

¹⁰ См.: Попов К.А. Указ. соч. С. 141.

Изменения уголовного законодательства в эпоху законопроизводства

*Ситникова Александра Ивановна,
профессор юридического факультета
Юго-Западного государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
orcrimpravo@yandex.ru*

В работе рассмотрена эпоха производства законов, для которой характерен ускоренный технико-юридический способ создания уголовно-правовых предписаний. Автор отмечает, что ускоренное производство законов требует не только традиционных технико-юридических приемов и средств, но и новых законодательно-текстологических ресурсов.

Ключевые слова: эпоха производства законов, технико-юридические приемы и средства, законодательно-текстологические ресурсы.

Amendments in Criminal Legislation in the Law Production Period

*Sitnikova Alexandra I,
Professor of the Law Faculty
of the Southwest State University,
Doctor of Law, Assistant Professor*

In work the epoch of manufacture of laws for which the accelerated legal-textual way of creation of criminally — legal instructions is characteristic is considered. The author marks, what is manufacture of laws demands not only traditional legal-textual receptions and means, but also new legislatively-textual resources.

Key words: an epoch of manufacture of laws, legal-technical receptions and means, legislatively — textual resources.

Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации и связанных с ним федеральных законов знаменуют собой наступление новой эпохи — эпохи законопроизводства, пришедшей на смену эпохе законотворчества. Эпоху законопроизводства отличает ускоренный рост количества законов и внесенных в действующее законодательство изменений, предельно рациональный, рассчитанный на экономическую выгоду политический диктат, укрепляющийся технологический подход к составлению уголовно-правовых норм и, наконец, наличие технико-юридического брака, связанного с ускоренным и непрерывным производством законов. Обращает на себя внимание активность законодателя в сфере производства законов, регулирующих уголовно-правовые отношения. С 1998 по 2014 г. (по состоянию на 20 сентября 2014 г.) включительно приняты 147 федеральных законов, которыми внесены многочисленные изменения в действующий Уголовный кодекс, в том числе в 1998 г. — 2 ФЗ, в 1999 г. — 7 ФЗ, в 2001 г. — 8 ФЗ, в 2002 г. — 8 ФЗ, в 2003 г. — 7 ФЗ, в 2004 г. — 5 ФЗ, в 2005 г. — 2 ФЗ, в 2006 г. — 4 ФЗ, в 2007 г. — 10 ФЗ, в 2008 г. — 8 ФЗ, в 2009 г. — 13 ФЗ, в 2010 г. — 22 ФЗ, в 2011 г. — 12 ФЗ, в

2012 г. — 15, в 2013 г. — 16, в текущем году — 8 федеральных законов. Динамика изменений УК РФ за 1998–2014 гг. показывает, что 54,8% статей Общей части подверглись редактированию, 2,6% — утратили силу, 7,1% — включены в УК федеральными законами, менее половины статей остались в первоначальной редакции. Текстуальные изменения Особенной части УК РФ являются настолько значительными, что можно сделать вывод о радикальном реформировании уголовного закона: статьи, в которые внесены поправки, составляют 72,7%, в то время как статьи в первоначальной редакции — 2,9%, доля новых статей составляет 21,5%, а 2,9% статей утратили силу. Наиболее массивные изменения внесены в УК РФ в 2003 г. — 228 статей (частей, пунктов), в 2009 г. — 151 статья (часть, пункт), в 2011 г. — 462 статьи (части, пункта).

Диапазон законодательных изменений касается не только текста статей, но и заголовков разделов, глав и статей Общей и Особенной частей, текста примечаний к статьям уголовного закона. За время действия УК РФ законодатель внес в текст кодекса множество изменений, связанных с заголовками статей Общей и Особенной частей: из кодекса ис-

ключены 12 заголовков в связи с признанием статей утратившими силу, сформулированы 66 наименований новых статей Общей и Особенной частей (8 и 78 соответственно), внесены изменения в 44 заголовка статей Особенной части и в 2 заголовка статей Общей части. При этом законодатель явно недооценил, во-первых, сложность проблем, связанных с созданием новых заголовков в условиях дефицита заголовочного фонда в сфере уголовного законодательства; во-вторых, нерешенность проблем редактирования наименований статей УК РФ, так как законодательная техника до настоящего времени не выработала методiku формулирования заголовков уголовного закона. В результате в Уголовном кодексе РФ появились наименования статей, которые дублируют диспозиции уголовно-правовых предписаний (наименования ст. 228, 228.1, 228.3, 228.4, 229 УК и др.) либо имеют чрезмерный, а в ряде случаев запредельный объем (от десяти до сорока и более слов) и представляют собой текстоиды, то есть текстоподобные образования, избыточные в информативном отношении и несостоятельные в номинативном (назывном) аспекте (наименования ст. 141.1, 185.5, 189, 199.2, 203, 226.1 УК и др.). Такие заголовки не предназначены для чтения, поскольку их основным предназначением является графически-выделительная роль, их невозможно воспроизвести и каким-либо образом использовать в процессе профессиональной коммуникации.

Анализ законодательного текстопроизводства примечаний показывает, что законодатель за время действия УК РФ увеличил количество примечаний в 2,9 раза: с 44 примечаний к 35 статьям Особенной части до 130 примечаний к 83 статьям. Одно примечание включено в Общую часть (прим. к ст. 73 «Условное осуждение» для целей указанной статьи и ст. 79, 80, 82, 97 УК РФ); изменения внесены в 35 примечаний к статьям УК РФ, утратили силу 10 примечаний к 10 статьям. Соотношение текстуальных изменений, нововведений и изъятия примечаний к статьям Особенной части за 1998–2014 гг. свидетельствует о том, что законодатель рассматривает примечания как действенный инструмент регулирования уголовно-правовых отношений: в УК РФ введено 52,9% новых примечаний, 28,7% примечаний изменены, 10,1% — утратили силу, 8,3% — имеют первоначальное содержание (в ред. Федерального закона от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ).

В современной уголовно-правовой литературе высказывается отрицательное

отношение к примечаниям. В частности, А.В. Иванчин отмечает, автор «... законодатель должен выражать уголовно-правовые предписания, по общему правилу, в статье» и при этом считает примечания не подразделениями статьи, а самостоятельными структурными единицами [1].

Примечания в уголовном законе являются специализированными уголовно-правовыми предписаниями, которые дефинируют наиболее важные понятия, уточняют оценочные признаки, изменяют режим действия уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ, а в необходимых случаях отсылают к другим нормативно-правовым актам либо предоставляют информацию справочного характера и тем самым восполняют известную неполноту действующего Уголовного кодекса.

Вместе с тем в уголовно правовой литературе высказывается отрицательное отношение к примечаниям. В частности, А.В. Иванчин считает, что законодатель, по общему правилу, должен выражать уголовно-правовые предписания в статьях, а не в примечаниях. При этом отмечает, что примечания являются не подразделениями статьи, а самостоятельными структурными единицами. На наш взгляд, примечания в УК РФ являются специализированными уголовно-правовыми предписаниями, которые дефинируют наиболее важные понятия, уточняют оценочные признаки, изменяют режим действия уголовно-правовых норм, в необходимых случаях отсылают к другим нормативно-правовым актам либо предоставляют информацию справочного характера и тем самым восполняют известную неполноту действующего Уголовного кодекса.

По сведениям А.И. Коробеева, менее чем за 16 лет существования УК РФ 1996 г. в него вносились изменения 108-ю федеральными законами. Всего, по подсчетам указанного автора, в УК РФ в том или ином виде внесено около одной тысячи изменений [2]. По данным других авторов, в период с 1998 по 2012 гг. в УК РФ внесено 1 014 изменений [3]. По нашим сведениям, в уголовный закон за период его действия внесено 1 475 поправок (включая введение новых изменений текста статей (частей, пунктов), примечаний и заголовков разделов, глав, статей УК РФ (без учета санкций). Некоторые расхождения в общем количестве изменений можно объяснить тем, что подсчеты внесенных в кодекс изменений охватывают разное количество федеральных законов: в одних случаях — 108, в других — 109 и более.

Обращает на себя внимание, что производство и принятие федеральных законов, которыми в УК РФ внесены изменения и дополнения, далеко не всегда продиктованы государственными интересами: на эту особенность указывает сезонный характер принятия федеральных законов. Ежегодно в июле-декабре Государственная Дума РФ принимает несколько федеральных законов, причем 2–3 закона в один день (9 июля 1999 г., 4 июля 2003 г., 28 декабря 2004 г., 24 июля 2007 г., 22 и 25 декабря 2008 г., 24–29 июля 2009 г., 27 и 29 декабря 2009 г.). Наиболее заметно отмеченная тенденция, получившая в уголовно-правовой литературе название «законодательной лихорадки» [4], проявилась в 2010 и в 2012 гг.: в мае 2010 г. принято 3 федеральных закона, в июне — 5, в декабре — 6, в декабре 2012 г. — 5.

Подобный подход к внедрению изменений в Уголовный кодекс РФ вызывает серьезную критику со стороны отечественных криминалистов. Беспрецедентная активность законодателя оценивается специалистами как «бурная реформа уголовного законодательства» [5], «шарахание из крайности в крайность», «чехарда» [6], вакханалия [7], «нормотворческий зуд» [8], в результате чего изменения кодекса «приобрели непредсказуемый и лавинообразный характер» [9]. Причем многие из таких изменений были продиктованы в сущности лишь политическими соображениями, в том числе желанием показать особенное рвение в борьбе с теми или иными видами преступлений» [10]. В этой связи в литературе отмечается, что «начиная с 2000 г. поле изменения УК РФ оккупировали дилетанты» [11]. Именно эти квазиспециалисты, по словам Г.А. Есакова, искверкали систему наказания, дополнили кодекс безумными по содержанию и объему статьями и всевозможными нонсенсами [12]. Тем не менее «изменения УК, — пишет Н.А. Лопашенко, — не только не прекращаются, но и нарастают, при этом новые федеральные законы вступают в силу едва ли не раньше своего принятия» [13].

А.Г. Кибальник высказал мысль, что бурное реформирование отечественного уголовного законодательства, начавшееся в декабре 2003 г., проводится большими и не очень большими кампаниями. При этом каждое из принципиальных изменений УК обосновывается благими намерениями: борьбой с терроризмом (2006 г.), противодействием экстремизму (2007 г.), войной с коррупцией (2008–2009 гг.), необходимостью либерализации уголовного законодательства (2010 г.),

защитой прав несовершеннолетних от сексуальных посягательств (2011–2012 гг.). В результате всевозможных преобразований действующий УК РФ утратил внутреннюю согласованность и системность [14]. Вывод о деформациях Уголовного кодекса РФ неоднократно артикулирован на самых представительных собраниях криминалистов — Конгрессах уголовного права, ежегодно проводимых в МГУ [15], конференциях в МГЮА [16], теоретических семинарах в Российской правовой академии Минюста РФ и других опубликованных источниках [17].

В литературе справедливо отмечается, что предстоящее реформирование Уголовного кодекса в соответствии с едиными правилами даст возможность устранить многие противоречия, несоответствия и недостатки [18]. Однако после этого кодекс не станет идеальным. Такого закона по определению не может быть, поскольку уголовный закон является всего лишь отражением окружающей действительности [19].

С позиций законодательной текстологии внесение изменений в уголовный закон и реформирование уголовного законодательства неизбежно, поскольку Уголовный кодекс представляет собой уголовно-правовой дискурс, то есть социально-значимый во многих отношениях нормативный текст, адекватность которого определяется тем, что он отражает изменения, происходящие в политике, экономике и социальных отношениях не только во время его разработки, принятия и вступления в законную силу, но и в течение всего (как правило, длительного) периода действия. Изменения, вносимые в действующий УК РФ, трудно объяснить кампанийщиной, так как кампании по модернизации уголовного закона сами подчиняются давлению социальной среды и являются способом реагирования на обострение конфликтных отношений, представляющих общественную опасность.

В условиях высокой и вместе с тем кризисной социальной, политической и экономической динамики *активное законопроизводство*, направленное на регулирование уголовно-правовых отношений, представляет собой закономерное явление, типичные недостатки которого наиболее наглядно отражены в материалах VII Всероссийского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.)

Концепция законопроизводства нашла свое выражение в коллективном труде по законодательной технике. Его авторы, Т.Я. Хабриева, Н.А. Власенко, Н.Н. Черногор, при-

нительно к юридической деятельности законодателя выделяют юридическое производство и нормотворческое производство. При этом нормотворческая (правотворческая) деятельность рассматривается как производство нормативно-правовых актов, опирающееся на законодательные технологии [20]. Обращает на себя внимание, что указанные авторы традиционно включают в юридическое производство творческую составляющую, выделяя нормотворческое производство, качество которого напрямую связывают со степенью его соответствия правилам технологии и техники подготовки нормативных актов. Вполне закономерно в работе сделан вывод, что законы являются «продуктом юридической деятельности, подчиненной соответствующей технологии» [21], в данном случае юридической (правовой) технологии, которая охватывает законодательную технику.

Законодательная технология по своей сути не предполагает творческого вдохновения, озарения и творческой интуиции, так как опирается на рационально упорядоченные процедуры, методику, приемы и правила. Сказанное не означает, что текстопроизводство уголовных законов исключает творчество как таковое, поскольку творчество способствует созданию эффективных уголовно-правовых предписаний, не допускает использования одних и тех же шаблонов, исключает продуцирование фиктивных норм и стереотипных текстов запредельного объема. На наш взгляд, творческой потенцией должны обладать нормотворцы, создающие уголовно-правовые предписания. Однако, судя по количеству критических замечаний, высказанных учеными-криминалистами в адрес федеральных законов, которыми внесены многочисленные негативные изменения в УК РФ, творческая потенция нормотворцев оставляет желать лучшего: нормодатель оказался не в состоянии сформулировать даже приемлемые заголовки разделов. Типичный пример — раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» и наименования статей (последние зачастую имеют характер невоспроизводимых текстоидов — заголовки ст. 226.1, 228, 228.1, 228.3, 228.4, 229.1 УК РФ и др.). Извлечение шаблонного словосочетания «Иные меры уголовно-правового характера» из ч. 2 ст. 2 УК РФ и воспроизведение его в качестве наименования раздела не требует никаких творческих усилий. Равным образом без творческих усилий сформулированы заголовки статей УК РФ, воспроизводящие тексты диспозиций (ст. 228.1, 228.2,

228.3 УК РФ и др.). Однако производство нормативных текстов должно опираться не на воспроизводство примитивных шаблонов, штампов и трафаретов, а на освоение новых созидательных подходов, усиливающих творческий потенциал нормодателя. Законодатель, стремящийся к достижению прагматических результатов законопроизводства, должен использовать знания, умения и навыки, свойственные широко мыслящей творческой личности, способной конвертировать имеющийся творческий потенциал в качестве законотворца, предварительно протудировавшего философские труды В. Дильтея, Г. Гадамера, Э. Гуссерля, П. Риккера, М. Хайдеггера, Ф. Шлейермаха по герменевтике [22], гуманитарные исследования Р. Барта, Ж. Деррида, Ж. Бодрийера [23], Ж. Лакана, М. Фуко, методологические работы В.Ф. Беркова, В.П. Кохановского и его соавторов, В.А. Лося, И.Я. Лойфмана, М.Н. Руткевича, Т.Г. Лешкевича, Г.П. Щедровицкого [24], труды по концептологии, дискурсологии и общей теории текста наряду с терминоведением, искусством юридического письма вкупе с законодательной и юридической техникой, нормографией и комплексом текстоведческих знаний, дающих возможность повысить свой эвристический потенциал.

Поточное производство законов в сфере действия уголовного законодательства предъявляет повышенные требования к законодательной технике и законодательной текстологии. В этой связи требуется проведение масштабных исследований, направленных на выявление имеющихся технико-юридических и законодательно-текстологических ресурсов. Дальнейшая часть данной работы представляет собой попытку осмыслить новые горизонты законопроизводства, связанные с развитием законодательной техники и применением законодательной текстологии в уголовном праве.

Литература

1. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления. М.: Проспект, 2014. С. 277.
2. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 112.
3. См., например: Назаренко Г.В. Уголовно-правовая политика: деструктивные тенденции и перспективы: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 411.
4. Милуков С.Ф. Российская уголовная политика: перманентная революция?: материалы VII Рос-

- сийского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 164.
5. Кибальник А.Г. О новой редакции УК РФ: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 92.
  6. Благов Е.В. Новый уголовный кодекс или новая его редакция: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 20.
  7. Лопашенко Н.А. Разумная уголовно-правовая политика: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 152.
  8. Благов Е.В. Указ. раб. С. 23
  9. Елинский А.В. Конституционализация российского уголовного законодательства в контексте задач его обновления: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 40.
  10. Там же. С. 40.
  11. Есаков Г.А. О необходимости принятия нового Уголовного кодекса (Критические размышления contra): материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 49.
  12. Там же. С. 49.
  13. Лопашенко Н.А. Указ. раб. С. 152.
  14. См.: Кибальник А.Г. Указ. раб. С. 93.
  15. См.: Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского конгресса уголовного права (29–30 мая 2008 г.). М., 2008; Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.). М., 2010; Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). М., 2011.
  16. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы VI МНПК. М., 2009; Материалы VII МНПК. М., 2010; Материалы VIII МНПК. М., 2011.
  17. См.: Алексеев А.И. Российская уголовная политика / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. С. 17, 21–22; Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Проспект, 2008. С. 9–11.
  18. Харук А.П. Современное уголовное законодательство в сфере легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, совершенных с использованием офшорных зон // Российский следователь. 2011. № 2. С. 28–31; Решняк М.П. Системность уголовного законодательства и проблемы его действия во времени // Российский следователь. 2012. № 13. С. 15–17.
  19. Иногамова-Хегай Л.В. Концепция реформирования уголовного законодательства // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели. Материалы VII РКUP (31 мая — 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 88.
  20. Юридическая техника: учебное пособие. М: ЭКСМО, 2010. С. 26.
  21. Там же. С. 26.
  22. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001; Гадамер Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1998; Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994; Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995; Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 2011.
  23. Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург: У-Фактория, 2007; Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академ. проект, 2007; Кацук Н., Грищанов А. Жан Бодрийяр. М.: Книжный дом, 2008; Дьяков А.В. Жак Лакан. Фигура философа. М.: Территория будущего, 2010; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных знаний. СПб.: А-сэд, 1994.
  24. Берков В.Ф. Философия и методология науки. М.: Новое знание, 2004; Кохановский В.П., Пржилепский В.И., Сергеева Е.А. Философия науки. М.: Март, 2005; Лось В.А. История и философия науки. М.: Дашков и Ко, 2006; Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М.: Приор, 2011; Руткевич М.Н., Лойфман И.Я. Диалектика и теория познания. М.: Мысль, 1994; Шедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Интор, 1996; Назаренко Г.В. Методология правопознания. Орел: Изд-во «Госуниверситет-УНПК», 2014.

Право, техника и власть

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igr@yandex.ru*

В статье затрагиваются вопросы юридической техники как одного из факторов, включенных в общий процесс технизации современного мира. Феномен техники связан с другим важным процессом — массовизацией общества. Роль юридической техники в формировании правовой реальности и правовой системы весьма значительна. Политическая мораль и правовое сознание общества в значительной степени обусловлены влиянием технического мышления, формирующего современное правовопонимание и новые формы права.

Ключевые слова: юридическая техника, политическая мораль, правосознание, правовопонимание, норма права, легальность, правовой нигилизм, закон, традиция, обычай.

Law, Engineering, and Power

*Isaev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University,
Doctor of Law, Professor*

The article encompasses the issues of legal engineering as one of factors included in the general process of the modern world technicalization. The engineering phenomenon is related to another important process — massification of the society. The role of legal engineering in the formation of legal reality and legal system is quite significant. The political morality and the legal awareness of the society are, to a significant extent, subject to influence of technical thinking forming the modern legal consciousness and new forms of law.

Key words: legal engineering, political morality, legal awareness, legal consciousness, legal regulation, legality, legal nihilism, law, tradition, custom.

Сужая жизненное пространство, техника увеличивает пространство пустоты, и это способствует проникновению страха пустоты в виде депрессии, тревоги, ощущения бессмысленности существования. Взамен дается утопия (Фридрих Юнгер приводит в пример духовную ситуацию социализма: распределяя массы соответственно своим понятиям о справедливости, социализм их уравнивает, а, следовательно, превращает в чистый нуль), утопизм пытается прикрыть логикой отсутствие фантазии¹.

Г.Д. Гурвич считал, что в сфере «социального» права преобладает распределяющая справедливость, тогда как в индивидуальном (частном) праве — справедливость уравнивающая. Социальное право основывается на доверительных отношениях, индивидуальное и межгрупповое — на недоверии. В пределах социального права, где преоб-

ладает объективное право, атрибутивный элемент исчезает за исключительной императивностью. В «праве масс и праве единства» регулирование, которое интегрирует всеединство, правовой характер может быть легко утрачен (всеединство часто приобретает харизматический или мистический характер)². В «праве общности», считает Гурвич, метаюридические элементы играют значительно меньшую роль.

Техника изменяет саму цель и сущность правовой организации — она неизбежно отстаивает необходимость и объективность «естественного права» и сопротивляется усилиям «исторической школы» в силу специфики своего мышления, которое оперирует именно и преимущественно естественно-правовыми представлениями и категориями. Подчиняя логику «естественного права»

¹ См.: Юнгер Ф. Совершенство техники. СПб., 2002. С. 183–190.

² Гурвич Г. Указ. соч. С. 712–715; см.: Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М., 2010.

технической логике, техник подменяет правовую норму технической (организационной) нормой и, отвергая в ней специфически юридическое качество, изменяет как процесс проектирования права, так и само действующее право, приводя их в соответствие с техническим пониманием нормы.

Формальное законодательное право, действующее в силу государственного установления, то есть позитивное право, не устраивает технико-организационное мышление. На первый план оно выдвигает материальную сторону закона и подменяет право, выраженное в форме законов, техническими предписаниями. Правовая материя в связи с этим беспредельно разрастается; кажется, что работает машина, фабрикующая законы и предписания, имеющие характер технических нормативов. Лейбниц говорил о «познании слепого или же символического», имея ввиду «верования в действии», использующие «тело» как напоминающее устройство и автомат, который «сам того не желая, увлекает за собой дух». Социальный порядок использует эту предрасположенность «тела» функционировать как «кладовую отсроченных мыслей». «Телесность» становится осуществлением политической мифологии, «инкорпорируясь и превращаясь в постоянную диспозицию, устойчивую манеру держаться, говорить... и тем самым — чувствовать и думать» (П. Бурдье)³. Автоматизм определяет не только ритуальность действий, но и рутинность мышления. Эту тенденцию поддерживают силы, которые видят непримиримое противоречие между формальным правом, выраженном в законах, и «необходимыми мнениями»; противоречие, являющееся, по сути, фиктивным: здесь делается попытка поставить над правом «некую динамическую волю народа», ведущую борьбу с формальными законами. В результате «генеральные клаузулы, определения, основанные исключительно на доверии, и принцип усмотрения и справедливости начинают свою разрушительную работу, выхолащивая и подменяя собой формальное право, выраженное в законах»⁴.

Техника не нуждается в репрезентации, но лишь в точности. Репрезентировать можно только лицо и авторитет, но никак не технику и организацию. «Целое» народа всегда остается только идеей, тогда как «целое»

экономической организации является реальностью: «для последовательного экономического мышления политическая и юридическая формы равно представляют собой побочные явления, помехи». В этом заключена враждебность идее вообще и внеэкономическому и нетехническому мышлению в частности, враждебность технического мышления традиции⁵. При этом техника не есть некая нейтральная власть; в ней скрывается «таинственная и прельстительная логика, с помощью которой техника предлагает себя людям. Ее негативная сторона — в анархической разрушительности жизненных единств, позитивное — в том, что техника сама коренится в культе», располагает своими собственными символами и носит служебный характер (Э. Юнгер). «В технике мы находим самое действительное, самое неоспоримое средство тотальной революции... У сферы уничтожения есть ее тайный центр, в котором берет начало будто бы хаотический процесс подчинения старых сил». (Новое человечество движется к этому решающему центру, и фаза разрушения сменяется действительным и зримым порядком, когда к господству приходит «раса, умеющая говорить на новом языке, владея им не в духе голого рассудка, а вполне стихийно»⁶).

Функциональный аспект политической морали всегда выражен в нормах, эффективность которых гарантирует функционирование общества; субстанциональный аспект характеризуется конкретным содержанием (законы, нормы, чувства), которое по своему качеству может быть и иррациональным. Управление такими силами возможно до определенного момента, после чего они начинают действовать «тайно и тогда они господствуют над нами»⁷. (Оппозиция нередко использует эти особенности «тайных сил», которым удается формировать массу в единство путем создания «протестных настроений» или «негативных типов коллективного поведения» (Г. Зиммель), не ставя перед ней позитивных целей).

Принудительная сила закона предполагает признание, то есть его позитивный авторитет. Но современная власть, столь точная, эффективная и централизованная, вполне может использоваться для эксплуатации и угнетения множества, без чьей поддержки, как ей представляется, она может обой-

³ Бурдье П. Практический смысл. М., 2001. С. 134–136.

⁴ См.: Юнгер Ф. Указ соч. С. 116–118.

⁵ Шмитт К. Римский католицизм. М., 2000. С. 137.

⁶ Юнгер Э. Указ. соч. С. 251.

⁷ Мангейм К. Человек и общество в век преобразований. М., 1991. С. 308–310, 328.

тись: ослабление морального давления на право здесь неизбежно ведет к его профанации в смысле технизации и приоритета голой силы.

Но техническое несовершенство в таком случае представляет собой «несовершенство» всего народа. Техника обладает большим этическим потенциалом и значением, и даже малозаметная работа в «низинах права» вполне может способствовать развитию права, подчас даже больше самого глубокого мыслительного труда: процессы упрощения и конкретизации права, его логическая концентрация и систематизация защищают самые сущностные его основания⁸. Конкретное вскрывается раньше, чем абстрактное, локализация оказывается более эффективной, чем централизация. До тех пор, пока не сложилась система механизмов, обеспечивающих воспроизводство установленного порядка, управляющие не могут просто полагаться на действие системы, над которой они господствуют. Им необходимо постоянно подтверждать наличие предпосылок своего господства, всегда столь изменчивых и неустойчивых, то есть «прибегать к элементарным формам господства, прямому господству человека над человеком, предельным случаем которого является присвоение чужой личности — рабство»⁹.

Выражения «государственный аппарат», «юридический аппарат» указывают на то, что вся действительность может восприниматься как конструкция, несовместимая с понятием свободы. Однако такая система организации оказывается не в состоянии окончательно обуздать все то инстинктивное и темное в человеке, все его смутные волевые порывы, которые непрерывно и подспудно в нем генерируются: внешней системностью путаница мыслей не побеждается, но только усиливается. Технический разум не способен преодолеть нарастание этой слепой стихийности, и на поверхность выходят темные и опасные силы: автоматизм под маской упорядочивания приучает человека к безвольному функционированию, отнимает у него всякую самостоятельность и дает мощный импульс процессу образования массы, которая становится объектом механического воздействия техники. Рациональная организация массы только укрепляет в ней слепые иррациональные силы, которым масса духовно ничего не

может противопоставить¹⁰: власть, которую дает техника, оплачивается дорогой ценой человеческой крови и нервов.

Картина общества, пребывающего в состоянии перманентной безнравственности, представляется в виде «утопии зла». В отличие «утопий добра», абстрагирующихся от дурных реальностей, смысл «утопии зла» состоит в том, чтобы абстрагироваться от такого внешнего фактора, каким являются «скука и монотонность существования». Они порождают зло, после чего еще более усиливаются. Такое общество застоя находится в состоянии перманентной криминальности, поскольку против отвращения и скуки есть единственное лекарство — преступление. «Утопия зла абстрагируется не только от скуки, но и от функционального, то есть утилитарного характера, который институты определенной социальной среды придают действию импульсивных сил» (де Сада)¹¹.

Послевоенное поколение 1919 года читало де Сада: «они воспринимали насилие, власть, жестокость как высшие способности человека, который потерял свое место в мироздании и был слишком горд, чтобы тосковать по теории власти, способной безопасно вернуть его назад и опять воссоединить с миром»¹². Рождался неизвестный XIX веку политический активизм (отличный от знакомого ему анархизма и терроризма); политический экспрессионизм и культ «ненормального» сопровождалась одновременной «жаждой анонимности» или, по выражению Робеспьера, стремлением «утвердить величие человека на фоне ничтожности великого»¹³.

1848 год стал годом демократии и диктатуры: «для диктатуры, рожденной из непосредственного, абсолютно уверенного в себе рационализма, уже имелась определенная традиция, воспитующая диктатуру Просвещения, философское якобинство, тирания разума, порожденное рационалистическим и классицистским духом формального единства». Носителем этой идеи рационалистической диктатуры становится радикальный социализм, превратившись из утопии в нау-

⁸ См.: Иеринг Р. Юридическая техника // Избранные труды. Т. 2. СПб., 2006. С. 332–334.

⁹ Бурдье П. Указ. соч. С. 255–256.

¹⁰ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 199–200.

¹¹ Клодсовски П. Сада и революция // Маркиз де Сада и XV век. М., 1996. С. 43–44.

¹² Юнгер Ф. Совершенство техники. М., 2001. С. 199–200.

¹³ См.: Арент Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арент. М.: ЦентрКом, 1996. С. 441.

ку, он тем не менее не отказался от идеи диктатуры¹⁴.

Социализм никогда не мыслился без опоры на массовость, выражалась ли она в либеральной заботе об «общем благе» или в идее «диктатуры пролетариата» — рукой законодателя при этом всегда водили требования масс. В ходе последующих революций человеческая масса обретала все больший вес, создавая уже свои собственные политические и социальные структуры: от «третьего сословия» с его парламентаризмом до «народа» и «толпы» с их массовыми партиями. Национализму пришлось пойти на союз с революцией, конституционализмом, либерализмом и демократией: нация как «тело» тем самым утратила свою «душу», которую составлял политический идеал, когда-то сделавший самих римлян «духовной нацией» (Ю. Эвола). (Последовавший затем распад индивидуализма привел к нашествию, устремленного к торжеству однообразия и чистому «царству количества», однако коллективистская стадия уже с самого начала была обречена уступить место четко дифференцированным, функциональным и объективным единствам, для которых стало характерным категорическое преодоление всех органических и механических форм; Э. Юнгер называл эти новые невиданные формы «органическими конструкциями».)¹⁵

Убеждения масс всегда стремились принять более или менее артикулированную религиозную или квазирелигиозную окраску и форму. Символ веры — политический, религиозный или социальный, принятый толпой — читлся без рассуждений: ведь масса не способна ни к критике, ни к скептицизму, а успех вероучения не зависит ни от доли истины или заблуждения, заключающихся в нем, но скорее от возбуждаемых им чувств и доверия, которое оно внушает: важной является прежде всего простота, делающая учение доступным всем (Г. Лебон).

«Для интернационала, который, несомненно, готовится, мы призваны дать идею мировой организации и мирового государства, англичане — идею мирового треста и мировой эксплуатации... Идея интернационала — это империализм», который достигается тремя видами воли к власти: посредством государства, денег и церкви. Идеалом

является монархически-социалистический строй, преодолевающий форму парламентской демократии¹⁶.

Смысл социализма в том, что «над жизнью господствует служебное положение, которое добывается усердием и способностями, а не разница между бедными и богатыми. Такова наша свобода, свобода от хозяйственного произвола частных лиц» (О. Шпенглер).

Ж. Сорель писал: «В понятии о диктатуре пролетариата сохранился... некий отголосок старого режима; социалисты очень долго утверждали, что капитализм можно уподобить феодализму» и что этот новый феодализм исчезнет под влиянием таких же сил, которые некогда разрушили феодальный строй, а этот строй пал под ударами сильной централизованной власти, которая была убеждена, что имеет от самого бога повеление употреблять исключительные меры против зла.

Короли же «нового типа», установившие в XIX веке новое «монархическое» право, были, несомненно, деспотами. И говоря о «диктатуре пролетариата», социалисты явно изъявляют намерение расправиться с капиталистами точно так же, как когда-то настоящие короли расправлялись с феодалами (и даже супердемократичный Э. Бернштейн заметил, что и «диктатура пролетариата с исторической неизбежностью предполагает новое разделение общества на новых «господ» и новых «рабов»: «кто был ничем, тот станет всем». По утверждению самих авторов «Коммунистического манифеста», пролетариат не сможет окончательно освободиться от рабства, не положив конец любому господству человека над человеком. По мнению Макса Вебера, это и есть основная пророческая идея «Манифеста». Захват политической власти пролетариатом еще не решает социальной проблемы в целом).

Понятие социализма, как и его врага — капитализма, — приобретает религиозно-богословский оттенок: здесь «социализм» означает добро, а «капитализм» — зло, «буржуа» — это дьявол, а «пролетариат» — ангел новой мифологии. Никакое усилие мысли и никакая логическая индукция не смогут рассеять той таинственности, которая окружает социализм. Марксизм хорошо понял эту особенность и, используя ее, завоевал себе право служить единственной исходной точкой во всех социальных исследованиях: «эта неясность и таинственность относит-

¹⁴ Шмитт К. Духовно-историческое понимание парламентаризма. Берлин, 1985. С. 216–217.

¹⁵ См.: Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. СПб., 2005. С. 99.

¹⁶ Шпенглер О. Пессимизм? М., 2008. С. 236–237.

ся к тем рассуждениям, при помощи которых хотят определить конечную цель социализма»¹⁷.

Политическая религиозность масс связывает политические цели с верой и надеждой и не особенно нуждается в рациональных обоснованиях. Всякая власть использует эту особенность массового сознания для усиления своего влияния. В этой ситуации харизматическая форма и тип оказываются более процикательными и эффективными, чем легалистский тип власти. Всякое правительство зависит от мнения и поведения масс. Даже в ситуации социального уравнивания, которое само по себе является продолжением «массовизации управления», и террористическое, диктаторское правительство часто оказывается более сильным, чем то, которое основано на свободе и свободной поддержке масс, и «массофобия Ницше была в сущности... обоснована не политически и не социально, а чисто психологически» (А. Вебер). Вера в потустороннее назначение человека не уменьшала значения элиты и вождизма, но придавала вопросу отбора особый и актуальный смысл; возвышение избранного слоя над широкими слоями ведет также к духовному возвышению уровня самих масс. «Чернь», о которой говорил Макиавелли, как о темной и иррациональной субстанции политического, в радикальном социализме и анархизме становится основной движущей силой революции — «пролетариатом»: в борьбе против идеи и духа устраняется всякое «авторитарное» правительство и механизм технического действует уже по собственным имманентным законам. Бакунин считал «цветом пролетариата» большую массу обездоленных, нищих и безграмотных, которых Маркс, в свою очередь, «хотел бы подчинить отеческому господству сильного правительства». Но именно эта масса, по мнению Бакунина, и несет в себе зародыши социализма будущего, а государство, закон, религия и другие великие символы, напротив, отрицаются ею. (Стивен Льюкс полагает, что если либерализм представлял «одномерный» взгляд на существо власти, а реформистский — «дву-мерный», то только радикальное воззрение позволяет открыть у власти «третье измерение». Здесь «отсутствие события может представляться более значимым для политического процесса, чем те события, которые имеют политическое значение». Скрытое и стихийное, несостоявшееся кажутся более

значительными, чем позитивное и действующее в системе порядка.)¹⁸

Социализм полагает, подобно Ницше, что добродетели губительны, а страсти (особенно страдание и гнев) — благотворны, поэтому он надеется создать новую социальную атмосферу, где страсти будут освобождены и их действие начнется с уничтожения всех политических, социальных и религиозных институтов, которые их подавляют (Доносо Кортес). В этой связи социализм настаивает на необходимости упразднить в публичном праве институт монархии, а в международном — различие между народами, одновременно утверждая общечеловеческую солидарность (и в этом заключено его фундаментальное противоречие). Справедливая сила должна восторжествовать над несправедливым законом политическим порядком.

Против просвещенческого рационализма воспитания и принципа разделения властей уже в XIX веке выступила теория непосредственного применения силы, против либеральной веры в дискуссию — теория «прямого действия»: фанатизм политического единства Просвещения оказался на деле не менее деспотичным, чем единство и тождество современной демократии, утверждал Прудон. (Единство — это всегда рабство, на централизме и авторитете основаны все институты тирании, — говорил Бакунин). Зато в своей непосредственной и спонтанной интуиции сами массы создают новые мифические образы, которые придают им силу и решимость, — убеждал Сорель. («Влияние религиозного мотива проявляется в объединении надчеловеческой власти в единую властную интенцию, усилении ее мощи и увеличению дистанции между нею и человеком» (Г. Кельзен).

Вслед за Ницше Ж. Сорель приписывал социализму непоколебимую волю к «прямо-му действию», насильственному и революционному. Вокруг рождались новые волевые импульсы и силы, преобразующие идеи культурного авангардизма в тенденции к диктатуре. В кружке Стефана Георге теоретические изыскания о Платоне трансформировались в конкретные формы диктаторской идеологии, в претендующее на практичность учение «о нормальности и норме», предполагавшее наличие практической дилеммы «господин — раб», заимствованной из гегелевского лексикона. Популяризованный Ницше нигилизм стал высшей точкой наряду с «аристократической распушенностью в духовной сфере

¹⁷ Сорель Ж. Размышление о насилии / Ж. Сорель. М.: Фаланстер, 2013. С. 74, 89–90.

¹⁸ Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М., 2010. С. 62.

и брутальной распушенностью власти», породив политико-эстетические течения натурализма, мистического империализма и романтического национализма. «Из почвы как бы вырастали силы, жаждущие власти, лукавые гиганты действия, ранее неизвестные. Вырывалось нечто неопределенно объективное, которое, как общая душевная волна, смыла все то, что казалось непоколебимым... Скрытая и скованная коллективная сверхличностная сила внезапно вырвалась из своего заключения. Она была отпущена, она подстегивалась всеми силами и затопила все». Это был взмах крыльев «темных демонических сил», не существует никакого другого выражения для определения их сверхличности и вместе с тем трансцендентного характера (А. Вебер).

Связь, устанавливаемая через нигилистическую бездну с прежними временами, представлялась не моральной по сути, но трансцендентной, она была выражена в темной комбинации сил: «Мрачно демоническое действие, которое мы ощущаем, дает нам как бы краешек, потянув за который мы можем поднять завесу со всеохватывающей, всерасчленивающей, всеприсутствующей сферы, находящейся за миром явлений, в известной степени ближайших нам метафизических сил»¹⁹. («Феномен демоничности привнес в наше воображение зла нечто особенное. Он представляет зло, наделенное интеллектом. Демоническое зло действует, оно рационально, знает в кого, где и когда ударить») (Юзеф Тишнер).

Утопическим кажется теперь желание воздействовать на массы без обращения к области мифа, к сфере иррационального и к миру страстей. Но то, что для масс составляет суть мифа и иррациональности, должно быть одновременно и чистым знанием, истиной и реальностью для других — для тех, кто посвящен, для хорошо организованной и сплоченной элиты, в которой олимпийское начало превалирует над стихией и хаосом. Правящей идеей новой «фаустовской культуры» станет троичность — «воля, сила, пространство». Но внутренние глубины, субстанции души через их распространение в пространстве превращаются в конкретную действительность, и «сила идей становится империализмом». Поэтому даже в реалистически настроенном социализме остается ощутимой «фаустовская» воля к власти, к бесконечности, стремление к мировому господству и мировой революции (О. Шпенглер). Поэтому последователь-

ный социализм неизбежно ведет к абсолютизму государства, представляя тем самым опасность как для отдельных национальных государств, так и для принципа индивидуализма, но не для самой идеи государства: «он провозглашает свою суть не в растворении, но в сказочно осуществленной, заимствованной у машин организации». (Социализм — порядок, основанный на авторитете и устанавливаемый законодательством (О. Шпенглер). Настоящий социализм не может не быть авторитарным.)

«Кто разрушает внешние границы, возводит внутренние. Социализм — это замаскированный, скрытый империализм, без иерархии и примата главенства его трудно осуществить. Именно в католической церкви он находит для себя настоящий образец социалистической антииндивидуалистической организации»²⁰. (Томас Манн в «Волшебной горе» выводит одного странного персонажа, мечтающего о политическом соединении «креста и красного знамени».) В противовес ему либерализм всю свою систему строит на фигуре изолированного индивида, предоставляющего свои права парламентскому учреждению.

О. Шпенглер утверждал, что «парламентская форма правления — специфически английский продукт»: Англия сделала бессильными все государства, которым она «в виде лекарства привила яд собственных политических форм». Политика в связи с этим сделалась безгосударственной. Форма, в которой парламентаризм закрепился в Европе, это — конституция, благодаря которой критика существующего правительства становится органической частью этого правительства²¹.

Но одним из наиболее характерных структурных признаков всех революций на их первой стадии все же является именно возникновение парламентских структур, институций и учреждений, то есть инстанций господства, задача которых состоит прежде всего в установлении норм. В ходе дальнейшей радикализации эти учреждения устраняются от законотворчества и бездействуют до тех пор, пока вновь не станут достаточно сильными и действенными для выполнения собственных задач господства: «легитимность никогда не достигается с таким трудом, как в процессе революции» (Ральф Дарендорф). Но и на смену парламентским учреждениям во многих случаях приходит харизматический вождь, амбициозно берущий все издаваемые новые

¹⁹ См.: Вебер А. Кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 501–505.

²⁰ Чемберлен Х.С. Основания XIX столетия. М., 2012. Т. 1. С. 128.

²¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 196–202.

нормы и правила под собственную ответственность и контроль, чтобы затем создать видимость и теорию, согласно которой буд-то бы в будущем уже не нужны будут ни законодательная деятельность, ни представительский контроль за нею²².

Карл Шмитт комментировал такой исход событий следующим образом: на практике может быть демократия без того, что называют современным парламентаризмом, и может быть парламентаризм без демократии. Но «диктатура во всяком случае не является решительной противоположностью демократии, а демократия — диктатуры»²³. Миф «диктатуры пролетариата», принявший за основу «власть народа» и верование в то, что она и есть единственный источник власти, вполне допускал для политической действительности различные типы режимов и юридические выводы. Именно наличие действительного политического мифа делало диктатуру политической реальностью.

Ж. Сорель верил, что только социализм еще обладает мифом, в котором и заключается настоящая способность к действию и героизму и которым легитимно оправдывается насилие. Ренессансный миф об идеальном человеке все еще был обращен к античному прошлому, миф о «Новом Средневековье», несмотря на его архаическую форму и язык, уже был мифом футуристическим. Его консолидирующая значимость оказалась еще сильнее, когда в центр мифологемы была поставлена идея нации. Эта идея оттеснила на задний план даже казавшуюся столь устойчивой имперскую традицию. А в начале XX века новая теория мифа показала, что релятивный рационализм парламентского мышления утратил очевидность: «Наш миф — это нация, великая нация, которую мы хотим сделать конкретной реальностью» (Б. Муссолини). Все войны и революции, как наиболее энергичные двигатели истории, вырастали из такого мифа и несли на себе его атрибуты, их героический дух был рожден «иррациональной жизненной энергией аполитичной массы»²⁴.

Политический миф — это скорее динамическая сила, чем объект или представление. Это — способность и могущество собирания основополагающих сил и устремлений индивида или народа, «могущество подземной, незримой, неэмпирической идентичности. Миф преодолевает абсолюты и абстракции

силой грезы, проекции образа, с которыми он себя отождествляет». Миф пробуждается в своем могуществе перед лицом абстрактных универсалий — науки, демократии — и перед лицом крушения двух верований: христианства и веры в человечество.

Воля к форме выражается здесь в органике «тела народа и государства как произведений искусства, ... как свершившихся форм воли, как завершенных идентификаций пригрезившегося образа»²⁵.

Связь между социализмом и демократией не очевидна: Антонио Грамши замечал, что есть социалисты, признающие необходимость диктатуры пролетариата, но при этом отрицающие диктатуру вождей и персонификацию власти: они хотят диктатуры, но отрицают единственно исторически возможную ее форму. Чтобы разрешить это противоречие Вернер Зембарт противопоставлял социализм как принцип общественного строя социализму как стилю определенной ментальности, определяя социализм как «общественный нормативизм», который диктует свои обязательные нормы, воплощенные в «номосе» (или качественном традиционном порядке). На национальных особенностях социализма настаивали также и Ж. Сорель, и М. ван ден Брук; О. Шпенглер подчеркивал: «старый прусский дух и социалистическая ментальность — это одно и то же», а «торгаши» и «герои» у В. Зомбарта становятся символами и репрезентациями двух типов социализма — либерального и героического. Отрицание политического, которое заложено во всяком индивидуализме (он предпочитает частное публичному), ведет к недоверию любым политическим силам и формам государственности, настаивая на приоритете свободы и равенства. Либеральное мышление, избегая политики и государства, движется между полюсов этики и хозяйства, духа и гешефта. Ведь «политическое единство должно в случае необходимости требовать, чтобы за него отдали жизнь. Для индивидуализма либерального мышления это притязание никоим образом недостижимо и не может быть обосновано»²⁶.

(Размышляя о насилии, Сорель убеждался, что только великая и пробуждающая все силы война приведет к власти настоящих вождей, обладающих волей к господству и способностью к правлению, а «пролетарское насилие» устранил «гуманные пошлости буржуазии» и парламентский социализм.

²² Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002. С. 453.

²³ См.: Шмитт К. Духовно-историческое положение парламентаризма. С. 181.

²⁴ См.: Там же. С. 246.

²⁵ См.: Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф. СПб., 2002. С. 46–56.

²⁶ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 63.

И все же ему казалось, что буржуазный дух непобедим и триумф посредственности с его низкими страстями в конце концов приведет у неизбежному упадку.)

Легальность не всегда является сознательным компромиссом. Скорее это естественная и инстинктивная ориентация на государство, на тот институт, который является единственным прочным пунктом для действий в хаосе явлений. «Когда нелегальные средства и методы борьбы приобретают особый ореол, когда акцентируется их особо революционная «подлинность», тогда легальности существующего государства... приписывается известная значимость, она не рассматривается как чисто эмпирическое бытие»²⁷. Существующий закон приобретает социальную значимость даже для отвергающих его революционных сил.

Авторитарный социализм отвергает демократию во имя нового порядка, поставленного на почву твердых и непререкаемых норм, связей безусловных и всеобщих. Он отвергает колебания свободы, направляя движение к суровой догме и абсолютизму рациональной (экономической) организации: Прудон полагал, что со временем на место политических властей придут экономические силы и экономическая централизация. Демократия вызвала к жизни стихийные движения масс, которые уже не смогла контролировать, а социализм, казавшийся ее продолжением, отказался от ее принципов: по замечанию Г. Кельзена, социализм оказался ближе стоящим к идеологии теократии, чем к идеологии демократии, и политический абсолютизм в нем оказался сильнее политического релятивизма²⁸. (Современным воплощением орденовской идеи стал принцип, по которому «каждому отдельному лицу, на основании его дарований, предоставляется право в определенной мере повелевать и повиноваться», где такая «советская идея» (О. Шпенглер) основывается на принципе отбора, коллективной ответственности и коллегиальности. Она создает систему «профессиональных сословий», идеальной формой которой могла бы стать «социалистическая монархия».)²⁹

Противоположение республиканской идеи демократической массе совпадает с противоположностью политического и социального, с «априоризмом» республиканизма и «социо-

логизма» демократии как базовых категорий. На уровне правового обобщения Ж. Сорель замечал в современном ему социализме такие два противоположных друг другу юридико-этических понятия: «естественное право» и «историческое право». «Естественное право» дает исключительно негативные результаты, оставаясь главным образом оружием для нападения на установленный порядок и власть: весь политический язык, кажется, был создан теоретиками «естественного права», верившими, что разум начинает господствовать, только когда исчезает противоположность между гегелевскими «господином» и «рабом». Узел политического вопроса сводится к точке пересечения между практиками управления и основополагающими формами жизни, другими словами — к «вопросу о власти, к основополагающим страстям, поддерживающим отношение между господством и рабством», наделяя эти отношения особым стилем. Политическое стало местом противостояния двух принципов «полиции и «политики», системой форм, в которых первая оказывается привязанной ко второй³⁰. Противники «естественного права» указывали на то, что вся история юриспруденции есть история хитросплетений, изобретенных для того, чтобы обходить юридические правила, и история нравственности показывает, как понятие добродетели отождествляется с абсолютным подчинением обстоятельствам. Между правом и нравственностью образуется разрыв: чувство не считается с юридическими масками и личностью, созданная историей, исчезает, остается только человек, чувственный индивид; право и мораль оказываются средствами для обеспечения господства за сильнейшими.

Чем больше «присущенный» индивид выделялся из массы, тем в большей степени он концентрировал в себе рассеянные силы своей эпохи и тем опаснее становился он для нее. «Потенциальную криминальность своих современников Сад превратил в личную судьбу, он хотел искупить ее один, соразмерно с коллективной виной, взятой его на себя». Необходимо было выявить скрытый импульс революционной массы, «ведь он отнюдь не обнаруживался в ее политических выступлениях», поскольку все ее преступления совершались «во имя суверенного народа». И массовые убийцы, типа Наполеона, для масс представлялись великими людьми: для масс показателем здоровья человека является его готовность принести эти самые массы в жертву³¹.

Императивом социалистического мышления является «ты должен». В «Пруссачестве и

²⁷ Лукач Г. История и классовое сознание. М., 2003. С. 338–339.

²⁸ См.: Новгородцев П.И. Демократия на распутье. Историческая школа юристов // Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 403–404.

²⁹ Шпенглер О. Пессимизм? С. 204–212.

³⁰ Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006. С. 13.

³¹ Клоссовски П. Указ. соч. С. 27–28.

социализме» О. Шпенглер выводит истоки «социализма» из «орденской этики», делавшей всепоглощающей идею служения, долга и обязанности. Закон здесь господствует, а «общая воля» обладает властью, она выполняет законы, то есть управляет, но также судит и наказывает.

Столь свойственные демократической системе «разделения» в значительной мере направлены на подчинение государства и политики частноправовой морали и экономическим категориям, на лишение государства и политики их специфического смысла. «Из господства и власти на духовном полюсе получается пропаганда и массовое внушение, а на хозяйственном полюсе — контроль». У политических точек зрения отнимали всяческую значимость, подчиняя их «нормативностям и порядкам морали, права и хозяйства», вкладывая при этом в такое подчинение конкретный политический смысл, а по ходу дела, упрекая государство и политику в насилии³²

Господство техники (индустриализма), перенесенное на политику, устраняет принцип политической репрезентации. И не только. Система представительства также испытывает в этой ситуации серьезное стеснение; Гаэтано Моска предполагал три способа устранения недостатков парламентской политической системы — «диктатуру пролетариата», возврат к абсолютизму бюрократии и форму ассоциированного синдикалистского господства.

Однако наиболее радикальные преобразования предлагал сам социализм, связавший себя с демократической традицией, в попытках оторвать ее от либерализма, но неожиданным образом идея оказалась связанной с вопросом о технической организации; государство М. Вебер представлял как «большое предприятие», и Г. Кельзен полагал, что проблема организации в государстве и в предприятии сущностно одна и та же³³. (Ницше определил демократию как «время универсального избирательного права, то есть когда любой через каждого может судить любого.» По биологическим критериям он проводил различие между народом и демократией и терминологически заменил «равенство» понятием «равноправия»). «Если правит само сообщество, то мы имеем демократию, демократический строй необходимо деспотичен; из всех государственных форм именно демократический строй — наименее обеспечивающий права, он не только неполитичен, но и непременно антиправовой» (Гегель).

(Р. Штаммлер обратил внимание на тот факт, что экономическую материю нельзя изучать без учета ее юридической формы (марксисты же настаивали на обратном), но и «племенная вера» в «естественный закон» была способна вызывать не менее ужасные последствия, чем его отрицание). Сорель полагал, что такое прямое насилие встречается только в начале истории права, а эволюция права начинается с того момента, когда все-таки «сохраняют прежнюю юридическую форму, не успев еще создать для нее этического содержания». Это и есть момент действенной легальности, который сам еще полон насилия, являясь следствием революции: но «момент этот неизбежен, и как учит история институтов, необходимо пройти этот формализм, для того чтобы прийти к новому праву»³⁴.

Литература

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. М.: ЦентрКом, 1996. С. 441.
2. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые. М., 2001. С. 134–136, 255–256.
3. Вебер А. Кризис европейской культуры / А. Вебер. СПб., 1999. С. 501–505.
4. Дарендорф Р. Тропы из утопии / Р. Дарендорф. М., 2002. С. 453.
5. Иеринг Р. Юридическая техника / Р. Иеринг // Избранные труды. Т. 2. СПб., 2006. С. 332–334.
6. Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние / И.А. Исаев. М., 2010.
7. Клоссовски П. Сад и революция / П. Клоссовски // Маркиз де Сад и XV век. М., 1996. С. 43–44.
8. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф / Ф. Лаку-Лабарт, Ж.-Л. Нанси. СПб., 2002. С. 46–56.
9. Лукач Г. История и классовое сознание / Г. Лукач. М., 2003. С. 338–339.
10. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / С. Льюкс. М., 2010. С. 62.
11. Мангейм К. Человек и общество в век преобразований / К. Мангейм. М., 1991. С. 308–310, 328.
12. Новгородцев П.И. Демократия на распутье. Историческая школа юристов / П.И. Новгородцев // Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 403–404.
13. Рансьер Ж. На краю политического / Ж. Рансьер. М., 2006. С. 13.
14. Сорель Ж. Размышление о насилии / Ж. Сорель. М.: Фаланстер, 2013. С. 74, 89–90.
15. Сорель Ж. Этика социализма / Ж. Сорель // Общество и мораль. М., 2007. С. 83–86.
16. Чемберлен Х.С. Основания XIX столетия / Х.С. Чемберлен. М., 2012. Т. 1. С. 128.
17. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 63.

³² См. Шмитт К. Понятие политического. С. 64.

³³ Сорель Ж. Этика социализма // Общество и мораль. М., 2007. С. 83–86.

³⁴ См.: Шмитт К. Духовно-историческое положение парламентаризма. С. 159–169.

18. Шпенглер О. Пессимизм? / О. Шпенглер. М., 2003. С. 196–202, 204–212, 236–237.
19. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера / Ю. Эвола. СПб., 2005. С. 99.
20. Юнгер Ф. Совершенство техники / Ф. Юнгер. М., 2001. С. 116–118, 199–200.
21. Юнгер Ф. Совершенство техники / Ф. Юнгер. СПб., 2002. С. 183–190.

Эволюция судебной власти: историко-правовой аспект. Суд в России и СССР*

*Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда Российской Федерации (в отставке),
доктор юридических наук
nikita_kolokolov@mail.ru*

Анализируется формальная и неформальные составляющие развития судебной власти применительно к цивилизационному типу государства.

Ключевые слова: власть, развитие, судебная власть, судебная система, судопроизводство, правосудие, история, историография.

Evolution of Judicial Power: Historical Legal Aspect. Court in Russia and the Union of Soviet Socialist Republics

*Kolokolov Nikita A.,
Resigned Judge of the Supreme Court of the Russian Federation,
Doctor of Law*

We analyze the formal and informal components of the judiciary in relation to the type of civilization state.

Key words: power, the development, the judiciary, the judicial system, judiciary, justice, history, historiography.

Судебная власть — непознанный феномен

Мы исходим из того, что судебная власть суть феномена, то есть явление далеко непознанное, однако, как и прочие виды власти, данное нам в ощущение, о чем неоднократно мы и писали¹. Достаточно внимания нами было уделено и истории судебной власти в целом, судебных систем, суда в частности².

* Статья «Эволюция судебной власти: историко-правовой аспект. Суд в условиях современности» опубликована в журнале «История государства и права» № 12/2016.

¹ См. подробнее: Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе. М.: ИГ «Юрист», 2005. 560 с.; Он же. О праве, суде и правосудии (избранное). М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2006. 687 с.; Он же. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М.: ИГ «Юрист», 2010. 400 с.

² См.: Суд в России: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «юриспруденция» (030501) под ред. Н.А. Колоколова: в 2-х т. М.: ИГ «Юрист», 2007; История судебной системы России: учебное пособие / под ред.

Судебная власть в каждом отдельно взятом государстве, как правило, проходит эволюцию от выделения из совокупности прав и обязанностей главы государства (монарха) особого права и особой обязанности, особой публичной функции — разрешения социальных конфликтов до создания наднациональных судебных структур, которые являются гарантом следования национальных правовых систем, общепризнанным мировым стандартам в сфере правосудия.

Общая тенденция в развитии судебно-властных отношений такова: от простого — единоличного разрешения главой государства рядовых споров — к сложному — относительно самостоятельной и независимой от других властных структур государства

Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2011. 471 с.; История государства и права России: учебник / под ред. Н.А. Колоколова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 431 с.; Колоколов Н.А. Право современной России: истоки и современность // История государства и права. 2014. № 3. С. 34–40.

судебной системе, непосредственному участию народа в отправлении правосудия. Затем происходит организационное отделение судебной власти от законодательной и исполнительной, с этого момента их национальное единство обеспечивается исключительно посредством права. Коммуникативное свойство власти приобретает правовой характер. Инкорпорация интернациональных норм и правил в национальные правовые системы в значительной степени — результат информационной революции и глобализации.

Для успешного выполнения судебной системой своих задач необходимы следующие условия: в стране должно быть ясное, четкое и единообразное понимание природы суда, его роли в механизме государства; за судом должны быть закреплены полномочия на творческое применение права, в том числе и международного; у населения страны должно существовать доверие к судебскому корпусу. Для организации эффективного судопроизводства одних только профессионально-подготовленных судей недостаточно, навыки участия в судоговорении должны иметь представители сторон. Органы судебной власти должны иметь соответствующее не только кадровое, но и материальное обеспечение; судебная система должна быть доступной для тех, кто в ней нуждается; деятельность судов должна отличаться ясностью и прозрачностью. Процессуальное законодательство должно содержать совершенный механизм исправления судебных ошибок.

Результат эволюции моделей судебных систем в федеративных государствах на текущий момент времени таков:

1) федеральная структура носит номинальный характер, федерация обладает исключительной компетенцией в реализации судебно-властных отношений;

2) субъекты федерации обладают значительной компетенцией в сфере организации правосудия, федерация не вправе вмешиваться в решение ряда вопросов;

3) компетенция в сфере правосудия определена априори и для федерации, и для ее субъектов;

4) компетенция судебных систем центра и регионов совпадает, что вызывает их конкуренцию;

5) в конституции государства определяется только федеральная и совместная компетенция в сфере правосудия.

За время своего существования российская судебная система приобрела ряд положительных качеств: 1) создание механизма обжалования в суд теоретически всех решений и

действий (бездействия) органов государственной власти гражданами; 2) современная российская судебная система гораздо более независима и самостоятельна, чем таковая времен СССР; 3) постепенно начинает работать механизм ее саморегуляции, несмотря на то, что большинство российских судей по своему правовому мировоззрению — позитивисты, нормативисты, в недрах судебского корпуса постепенно вызревает признание за судьями права на собственное усмотрение при наличии пробелов в законе, его неправоном характере.

Судебное строительство в России: барьер не взят

Сказанное вынуждает дискуссию о месте и роли суда в современном уголовном процессе начать с наикратчайшего экскурса в историю, после чего можно будет себе позволить рассуждения о значимости суда в политике конкретного государства.

Если история государства и права российского насчитывает более тысячи лет, то возраст аналогичных цивилизационных проявлений человечества приближается уже к пяти тысячам лет. К тому моменту, когда на карте Восточной Европы появилась Древняя Русь, успело возникнуть и умереть не одно некогда могучее государство. Каждому из этих государств была свойственна определенная модель правосудия. Поскольку в природе ничего не исчезает бесследно, памятники права, созданные нашими бывшими ближними и дальними соседями, став бесценным достоянием земной цивилизации, обязательно переходят по наследству ко многим, пусть далеко не всегда благодарным потомкам.

Российская государственность зародилась в VI–VII веках на путях «из варяг в греки» и «из варяг в персы». Именно тогда славянские народы впервые впитали в себя азы европейской правовой культуры, опирающейся на «бастион» права римского. Более тысячи лет минуло с момента крещения Руси. Распространение ортодоксального христианства на ее народы в значительной мере предопределило ход дальнейшего развития государственности, ее институтов.

Наряду с православием Древняя Русь, затем государство Московское, ныне Российское в свои правовые системы инкорпорировали многие нормы уникального права Византии, в первую очередь права публичного, в том числе и уголовного.

Ход нашего поступательного развития в лоне европейской правовой культуры (пусть и на ее окраинах) на три столетия был прерван татаро-монгольским нашествием

ем. Фактическая утрата Русью независимости (XIII–XV века) не только способствовала консервации устаревших правовых идей, но и в определенной мере привела к трансформации режима государственного правления по образцу эффективных в военном отношении восточных деспотий, препятствовала восприятию обществом новейших достижений в области правового строительства, получивших самое широкое распространение в Европе.

О последствиях имплементации россиянами восточных управленческих и правовых конструкций в свое время очень точно высказался М.М. Сперанский (1772–1839): законы у нас могут быть греческими и английскими, а вот управление останется турецким³.

Лишь только к концу XVI века наметился возврат нашего общества в лоно европейской, в том числе и правовой культуры. Данный процесс в силу множества причин происходил крайне медленно, а порой и болезненно, война, бесперспективная по цели, между западниками и славянофилами продолжается до сих пор.

До 1861 года в России существовало крепостное право. Наличие данного средневекового института предельно минимизировало число граждан, нуждающихся в справедливом, несословном суде. Если конкретнее, то демократические судебные отношения на Руси, в Российской империи практически были никому не нужны. Крестьян, подчеркнем, частную собственность помещиков, вплоть до Великих судебно-правовых реформ 1864 года судили сами хозяева. Отношение между собой гордые дворяне выясняли на дуэли. При таких обстоятельствах в обществе практически не было места даже и для сословного суда.

К середине XIX века в большинстве стран Европы, государственное устройство которых мы столетиями усердно копируем, уже сложились вполне современные государственно-правовые системы. Таким образом, сама история в середине позапрошлого столетия поставила перед Россией цель — как можно скорее воспринять все лучшее, что к этому моменту было создано человечеством в сфере государственно-правового строительства.

Хочется верить, что многие задачи, стоявшие тогда перед нашим народом, удалось

решить в рамках Великой судебно-правовой реформы 1864 года. Россия получила действительно передовую, по тем временам, судебную систему, а также соответствующее лучшим мировым образцам процессуальное законодательство. Начал свой отчет «золотой век» российской адвокатуры.

Искусственная консервация самодержавия не позволила завершить все намеченное. В XX век Россия вошла без отвечающего требованиям времени гражданского и уголовного права. Конечно, главное не в законах, не удалось к этому времени сформировать и сколько-нибудь значимую социальную прослойку — класс, а еще лучше группу классов, которые были ли бы заинтересованы в эволюционном поступательном развитии общества.

В 1917 году возобладали привнесенные извне революционные идеи квазикоммунизма. На 70 лет Россия в очередной раз была вырвана из общеевропейского цивилизационного процесса. Коммунистическая идеология расценивала государство и право как орудия угнетения трудящихся классов, дни которых были сочтены. Суд в классическом его варианте был отнесен институтам буржуазной власти, следовательно, правящей «коммунистической» элитой полностью отвергался.

В советский период государство трактовалось как аппарат классового насилия, суд — один из инструментов единой командно-административной системы, причем далеко не самый важный. Отвержение по идеологическим соображениям концепции разделения властей полностью лишило отечественных ученых возможности правильно определить природу суда, его значимость в общественном развитии.

В конце века XX на повестку дня опять встал вопрос о проведении полномасштабной государственно-правовой реформы. Поскольку развитие права само по себе немислимо, речь шла о реформировании экономики, а также всего государства, в первую очередь его судебной системы, поскольку именно судьи в состоянии наполнить формальные правовые конструкции необходимым содержанием.

Пока чуда не произошло европейский уровень культуры в судопроизводстве, в том числе и его юридико-техническая составляющая, не достигнута, «барьер не взят» (В.Д. Зорькин). Как и в конце века позапрошлого крепнут голоса тех, кто считает, что европейская культура россиянам чужда.

³ Замечание это для некоторых до того горькое, что отечественные историки стараются о его существовании не вспоминать. Зато наша современница — Элен Каррер д'Анкосс (Зурабишвили) писать об этом не стесняется.

В эпоху перемен, закономерно грянувших на рубеже второго и третьего тысячелетий, российская правовая наука вошла без необходимой суммы теоретических знаний о власти вообще, о государственной и судебной власти в частности. Судья соотечественниками воспринимается не как самостоятельный и независимый арбитр в споре равных, а как заурядный чиновник, которого «слабый» униженно просит защитить от «сильного».

За веру, царя и Отечество!

Универсальный девиз, вынесенный в подзаголовок, начиная с XIX века, был широко распространен в Российской империи. Существовали и иные его версии, например: «Православие, самодержавие и народность». Их расшифровка была понятна каждому. Вера — идеология, царь — форма правления, трансформированная в конкретных лидеров, Отечество — это то, что каждый понимает по-своему, памятуя при этом, что оно у конкретного народа одно.

Современной европейской цивилизации (другие нами не рассматриваются) известны три идеологии, послужившие базой для организации власти в государстве: либерально-демократическая, коммунистическая (социалистическая) и фашистская. На текущий момент времени побеждает первая. Коммунистическая идеология и соответствующая ей форма государства уже прошла основные стадии своего существования (генезис, расцвет и смерть), фашистская идеология опочила себя еще на этапе зарождения.

Собственно говоря, существование независимого суда приветствует только либерально-демократическая концепция организации власти в обществе формально равных людей. Таковая в свое время была выращена в недрах реформаторского крыла католической церкви. Очевидно, что независимого суда ни при социализме (при коммунизме суд отмирает вместе с государством), ни при фашизме быть не может, ибо в основе организации общества лежит неравенство: в первом случае бесправные изгой лица, названные эксплуататорами, их уничтожали целыми классами, во втором — изгой — целые нации, представители которых также уничтожались миллионами.

Православная (ортодоксальная) церковь тоже не знает независимого суда. Да и вообще судебно-властные отношения для России не характерны, ибо для россиянина основа власти — ее вертикаль. Судья — мелкий чиновник, в советские годы даже председатель суда в районе был менее авторитетен, чем,

например, прокурор, не говоря уже о начальнике милиции. Председатель суда на работу ходил пешком, а прокурора и начальника милиции возили на машине. Скажем больше, у начальника милиции был еще и многочисленный аппарат, который мог к правонарушителю и силу применить. Перечисленных символов власти судья всегда был лишен.

Каков же в таких условиях девиз служителей Фемиды? Если с Родиной все ясно, то возникает вопрос: какова идеология правосудия, какого царя почитают в судебной системе?

Вопрос далеко не праздный, особенно в силу того, что без идеологии нет политики, а суд, сколько бы не говорили о его деидеологизации и деполитизации, — орган государственной, следовательно, политической власти, которая без идеологии немыслима⁴. В текущий момент времени Россия в очередной раз пересматривает свое отношение к европейской идеологии. Ряд свойственных ей суждений, облеченных в решения Европейского суда по права человека, уже признан неприемлемым, как долго будет длиться данный процесс, судить читателю.

Был ли суд в царской России?

Считается, что судебного права, в том смысле, который ему придается европейской цивилизацией, в России никогда не было. Сами понятия «суд» и «право» толковались совсем не так, как, например, это принято в той же Англии или Франции. Категория «суд» для русского человека — понятие, скорее, философское. Оно известно каждому христианину практически с рождения, как суд страшный, божий. «Есть грозный судия: он ждет; он не доступен звону злата» (М.Ю. Лермонтов, 1836).

Что касается суда светского, то как социально-правовой субстанции в европейском понимании его в России не было. Неслучайны слова М.Ю. Лермонтова: «Таитесь вы под сению закона, пред вами суд и правда — все молчи!». Как видим, наличие закона (статута) автоматически не означало наличия права (правды) в форме развитых правопорядков. Да, законы существовали, но права европейского уровня, основанного на равенстве, в Российской империи не было. Как следствие, не было правосудия также в его классическом понимании. «Здесь барство дикое, без чувства, без закона» (А.С. Пушкин, 1819 г.).

⁴ Колоколов Н.А. Идеология и политика — неотъемлемые функции современной судебной власти // Российский судья. 2001. № 9. С. 4–9; 2003. № 6. С. 29–35.

«Естественно, что люди, получившие европейское образование, были вынуждены «любить Отчизну страстно любовью» (М.Ю. Лермонтов, 1841 г.).

Информацией об отсутствии настоящего суда переполнена практически вся литература. Вот, например, записи и дневник академика и профессора А.В. Никитенко: «Отец верил, что закон должен быть на стороне того, кто перед ним чист. Он не хотел понять, что жил в стране бюрократического произвола и что такому бедняку, как он, неприлично опираться на право там, где его в сущности никто не имел, а он меньше всех»⁵.

Независимость суда в СССР

В мемуарах авиаконструктора А.С. Яковлева «Цель жизни» есть такой эпизод. В годы войны конструктор занимал еще и должность заместителя наркома авиастроения. Однажды в кабинете И.В. Сталина он случайно встретился с заместителем наркома НКВД и тихонько попросил последнего по возможности пересмотреть дело в отношении одного из инженеров его КБ. Сталин, у которого, как известно, был очень острый слух, бросил только одно слово: «Посмотрите...». Вскоре инженер вышел на работу.

Составители книги «Верховный Суд России» не случайно привели текст стенограммы заседания Президиума ЦК КПСС от 17 июня 1961 г., на котором лидер СССР Н.С. Хрущев в отсутствие нормы уголовного закона требовал расстрела валютчиков, угрожая в противном случае Председателю Верховного Суда СССР Горкину увольнени-

ем. Как известно: презумпция «обратной силы» волевым решением была легко преодолена, валютчики — расстреляны. Это был один из «черных дней» российского правосудия⁶.

Литература

1. Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе. М.: ИГ «Юрист», 2005. 560 с.
  2. Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии (избранное). М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2006. 687 с.
  3. Глобенко О.А. Стадия возбуждения уголовного дела: слово народа // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 46–47.
  4. История судебной системы России: учебное пособие / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2011. 471 с.;
  5. История государства и права России: учебник / под ред. Н.А. Колоколова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 431 с.
  6. Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М.: ИГ «Юрист», 2010. 400 с.
  7. Колоколов Н.А. Право современной России: истоки и современность // История государства и права. 2014. № 3. С. 34–40.
  8. Колоколов Н.А. Идеология и политика — неотъемлемые функции современной судебной власти // Российский судья. 2001. № 9. С. 4–9; 2003. № 6. С. 29–35.
  9. Лебедев В.М., Корчагин А.Ю., Свечникова Л.Г. Верховный Суд России: монография. Пятигорск, 2012. С. 320–323.
  10. Суд в России: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «юриспруденция» (030501) / под ред. Н.А. Колоколова: в 2-х т. М.: ИГ «Юрист», 2007.
- ⁵ См.: Никитенко А.В. Повесть о само себе. По- смертные записи и дневник академика и профессора Александра Васильевича Никитенко // Русская старина. 1888. Октябрь. С. 61.
- ⁶ Лебедев В.М., Корчагин А.Ю., Свечникова Л.Г. Верховный Суд России: монография. Пятигорск, 2012. С. 320–323.

История развития независимого правозащитного института адвокатуры в дореволюционный период*

*Дабизжа Татьяна Григорьевна,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук
отдела уголовного и уголовно-процессуального
законодательства; судоустройства Института
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
TatyanaDabizha@yandex.ru*

В настоящей статье приведен исторический обзор зарождения, становления и развития гарантий независимости адвокатской деятельности и адвокатуры дореволюционного периода. Анализ российского законодательства дореформенного и реформенного периода позволяет проследить динамику развития независимости адвокатуры, учитывая политические особенности развития Российского государства того времени.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, пособники, наймиты, стряпчие, поручники, правозаступник, поверенный, история независимости адвокатуры, независимость адвокатуры в дореволюционный период.

History of Development of Advocacy Independent Human Rights Institute in the Pre-Revolutionary Period

*Dabizha Tatyana G.,
Student Seeking the Scientific Degree of Candidate of Legal Sciences
of the Department of Criminal and Criminal Procedural
Legislation; Court Organization of the Institute
of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation (ILACL)*

The article discusses the historical review of origin, establishment and development of the guarantees of Advocacy's independence in the pre-revolutionary period. The analysis of the Russian legislation of the pre-reform and the reform periods gives us to follow the dynamic of the evolution of Advocacy's independence, especially consider the political features of the Russian state's development at the time.

Key words: advocate, Advocacy, hirelings, solicitors, poruchniki, pravozastupnik, attorney, the history of Advocacy's independence, independence of Advocacy in the pre-revolutionary period.

История русской адвокатуры — это история ее самоутверждения как автономного образования, независимого от государственной власти.

Возникновение адвокатуры как профессионального сообщества, с присущими ей чертами законности, независимости, самоуправления и корпоративности, произошло гораздо позже возникновения профессионального правозащитничества¹ и судебного

представительства² как прообраза адвокатской деятельности в лице «пособников» и «наймитов». Появление адвокатуры как независимого института относится ко времени издания Судебных уставов 1864 г., в то время как появление первых гарантий независимости правозащитников относится к периоду не позднее Псковской и Новгородской судебных грамот 1397 г., 1440 г.

По Псковской судебной грамоте при истце и ответчике допускались в суд «пособники или стряпчие», но только в случаях, когда истцом

* Научный руководитель: Кашепов В.П., доктор юридических наук, профессор.

¹ «Правозащитничество» рассматривается нами как юридическая помощь, оказываемая нуждающемуся в ней специалистами-правоведами (см: Васильковский Е.В. Организация адвокатуры: в 2-х ч. Ч. 1: Очерк всеобщей истории адвокатуры. СПб.: Н.К. Мартынов, 1893. С. 5).

² «Судебное представительство» есть такая замена в процессе тяжущегося другим лицом, при которой все последствия деятельности представителя падают непосредственно на тяжущегося (см.: Васильковский Е.В. Указ. соч. 1893. С. 4).

или ответчиком была женщина, малолетний, чернец, черница, больной, старый или глухой. Этот институт не пользовался в Пскове большим доверием и по общему правилу для всех остальных лиц явка на суд с пособниками не допускалась — в судебную горницу могли входить только двое тяжущихся, а «помощников не должно быть ни со стороны истца, ни со стороны ответчика» (ст. 58 Псковской судной грамоты). Статья 69 Псковской судной грамоты устанавливает более общую норму: «Всякое лицо, облеченное властью (властель), не может быть представителем в суде. Оно может быть стороной в процессе только в случае спора по его делу»³. В данной норме усматривается существующая в настоящее время гарантия независимости, запрещающая адвокату занимать государственные должности. Законодателем того времени уже осознавался этический аспект независимости представителя. Статья 71 Псковской судной грамоты постановляет, что стряпчий не мог участвовать более чем в одном деле в один день. По мнению К. М-го, это запрещение имело ту цель, «чтобы пособничество не сделалось промыслом и не стесняло свободного развития закона». И.Е. Энгельман же считает, что целью запрещения являлось «устранить сильное нравственное влияние, какое могло иметь на судей то обстоятельство, что известный человек уже выиграл при них одно дело»⁴.

В отличие от Псковской, Новгородская судная грамота, с одной стороны, предоставляла возможность каждому иметь поверенного (ст. 15, 18, 19, 32 Новгородской судной грамоты)⁵, а, с другой стороны, имевшие представителей в суде должны были иметь дело только с ними (ст. 5 Новгородской судной грамоты)⁶.

Дальнейшее развитие институт представительства получил в Судебниках 1497 и 1550 гг., а также в Соборном уложении 1649 г. Так, Судебник 1497 г. предоставлял сторо-

нам, которые не являлись в суд, право вместо себя направить поверенных. Эта регламентация придавала представительству в суде его истинный смысл: замещать сторону, доверителя в суде, действовать от его имени и в его интересах⁷. Что касается Судебника 1550 г., то он предусмотрел как право сторон иметь поверенных — стряпчих и поручников, так и установил определенные правила судебного поединка, то есть урегулировал и процедурный аспект деятельности в суде. В частности, участвовать в судебном поединке имели право только представители сторон, которым, как говорилось в ст. 13 Судебника 1550 г., запрещалось иметь при себе доспехи и дубины. Вмешательство в судебный поединок присутствовавших на суде лиц запрещалось под угрозой заключения в тюрьму⁸.

«Особенно широко институт судебного представительства урегулировало Соборное уложение 1649 г. времен царя Алексея Михайловича, упоминавшееся в главе X. В частности, в ст. 108 Соборного уложения было сказано: если к установленному отсроченному сроку рассмотрения тяжбы в суде истец или ответчик заболел и не сможет явиться в суд, то вместо него в суде может участвовать лицо, которому он доверяет, то есть представитель⁹. Таким образом, следует прийти к выводу, что со времен Псковской и Новгородской судных грамот и до принятия Соборного уложения 1649 г. в Российском государстве прочно утвердился институт судебного представительства при рассмотрении и разрешении различных тяжб»¹⁰, но развитие его на этом не остановилось.

Далее институт представительства упоминается в Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1715 г. Вводится новый термин — «адвокат» (гл. V). «Однако правовое положение адвоката не отличалось от положения представителя стороны по Уложению. Как и прежде адвокат не наряду со стороной, а вместо нее. Он не является по-

³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред.: Янин В.А., М.: Юридическая литература, 1984. С. 371.

⁴ Черепнин А.В., Яковлев А.И. Псковская судная грамота // Исторические записки. Т. 6. 1940; см.: К. М-ий. Псковская Судная Грамота 1497 г. // Северное обозрение. Т. 3. СПб., 1850. С. 441–472; Энгельман И.Е. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб., 1855. С. 4, 182.

⁵ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 304–308.

⁶ См. там же: С. 304–308.

⁷ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. С. 54–62

⁸ Там же. С. 97–129.

⁹ Тихомиров М.Н., Елифанов П.П. Соборное уложение 1649 года: учебное пособие / М.Н. Тихомиров, П.П. Елифанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 112.

¹⁰ Колоколова Э.Е. Адвокат представитель в гражданском процессе России. М.: Изд-во «Юрлитформ», 2005. С. 19.

мощником челобитчика, ответчика и суда, а лишь заместителем стороны. При этом представительство допускается лишь при наличии важных обстоятельств, делающих невозможной явку стороны в суд лично»¹¹.

Указом «О форме Суда» от 5 ноября 1723 г. судебное представительство существенно расширилось. «Если раньше оно допускалось главным образом при болезни стороны, то теперь не ставится никаких ограничивающих условий. Вводится институт доверенности (письма верующие). При этом права поверенного предполагаются равными по объему правам доверителя»¹².

В 1832 г. принимается Закон о судопроизводстве в коммерческих судах, которым введены присяжные стряпчие, состязательность и в определенной мере устность процесса. «Недостатки последнего, в том числе касающиеся положения сторон и их представителей, сохранялись до Судебной реформы 1864 г. В частности, в течение многих десятилетий и к концу дореформенного периода в России было три группы ходатаев: чиновники судебных мест — секретари, столоничальники, повситчики; профессиональные адвокаты, занимавшиеся ведением только судебных дел; дворяне, разорившиеся помещики, купцы, приказчики, которые прежде вели дела своих хозяев»¹³.

По закону 1832 г. «стряпчие» не обладали полной свободой выбора позиции по делу и не могли эффективно осуществлять свою деятельность, а также заслужить подлинное доверие и авторитет у людей, которые обращаются к ним за помощью¹⁴.

Свод законов Российской империи очень слабо регламентировал институт судебного представительства. Последнее оставалось свободной профессией и допускалось по гражданским и уголовным делам. Внутренней организации у поверенных не существовало, требования образовательного и нравственного цензов к ним не предъявлялись, контроля за их деятельностью не было, а фактически профессию ходатаев осуществляли лица, не только не имевшие юридиче-

ского образования, но и достаточного общего образования¹⁵.

Несмотря на отсутствие в России адвокатуры «западного типа» (т.е. такой, какой она стала после реформы 1864 г.), судебное представительство и своеобразный «институт защиты» на Руси все же существовал вопреки самым отрицательным к нему отношениям»¹⁶.

Судебными уставами 1864 г. была введена присяжная адвокатура. В организационном отношении это была высшая форма из существовавших в России. К ноябрю 1864 г. обсуждение реформы было закончено, и 20 ноября 1864 г. императором Александром II были утверждены Судебные уставы, направленные на места для исполнения со знаменитым манифестом. Эту дату принято считать и датой начала юридического бытия российской адвокатуры¹⁷.

Адвокаты разделялись на две категории — присяжных поверенных и частных поверенных. Присяжный поверенный — в России в 1864–1917 гг. — адвокат при окружном суде или судебной палате¹⁸. Частный поверенный — низшая после присяжных поверенных категория адвокатов, получивших право выступать только в тех судах, от которых получили свидетельство, — разрешение на эту деятельность. Согласно Судебным уставам в основе организации адвокатуры лежит принцип: адвокат — правозаступник, оратор и поверенный своего клиента.

Составители Судебных уставов 1864 года особенно заботились о независимости адвокатуры и необходимости такой независимости. Так, например, одной из главных идей, положенных в основу организации адвокатуры, является идея полной самостоятельности и независимости присяжного поверенного. Он не должен принимать на себя таких занятий или посвящать себя такому роду деятельности, которые подчиняют его кому-либо или делают зависимым. В силу этого принципа закон воспрещает присяжным поверенным состоять на государственной

¹¹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова. 1986. С. 433.

¹² Там же. С. 459.

¹³ Колоколова Э.Е. Адвокат представитель в гражданском процессе России. С. 22.

¹⁴ Ботнев В.К. Исторический очерк развития адвокатуры в России: учеб.-метод. пособие / К. Ботнев. М.: УНЦ ДО, 2005. С. 68.

¹⁵ Корнеев А.А. Зарождение и развитие института адвокатуры до судебной реформы 1864 // Адвокатская практика. 2005. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Демидова Л.А., Сергеев В.И. Адвокатура в России. М.: Юстицинформ, 2006. С. 19.

¹⁷ Чистяков О.И., Новицкая Т.Е. Реформы Александра II. М.: Юридическая литература, 1998. С. 5–36.

¹⁸ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских; изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 491.

службе (ст. 355 разд. IX, кн. I «Общее учреждение Судебных установлений»)¹⁹.

Одна из наиболее ценных и дорогих гарантий независимости адвокатуры — это ее сословная организация, обеспечивающая независимость присяжного поверенного, дающая ему возможность быть истинным служителем правосудия и слугой общества. Охрана сословной организации — прямая обязанность Совета, учреждения выборного, источником власти которого является доверие всего сословия²⁰. Надзор за деятельностью присяжных поверенных был возложен на избираемый ими Совет присяжных поверенных при Судебной палате. Высший надзор за их деятельностью осуществлялся Судебной палатой и Правительствующим Сенатом.

Присяжные поверенные приписывались к Судебным палатам и избирали место жительства в одном из городов округа той палаты, к которой приписаны (ст. 356 «Общее учреждение Судебных установлений»)²¹. Присяжные поверенные каждого округа Судебной палаты избирались из среды себя (порядок избрания был также прописан в законе) в Совет присяжных поверенных для надзора за всеми состоящими в том округе поверенными (ст. 357 «Общее учреждение Судебных установлений»).

Совет присяжных поверенных имел право «своею властью» подвергать присяжных поверенных за нарушение принятых ими на себя обязанностей: 1) предостережениям; 2) выговорам; 3) запрещению отправлять обязанности поверенного в продолжение определенного советом срока не более одного года; 4) исключению из числа присяжных поверенных и 5) преданию уголовному суду в случаях «особенно важных». Также в его компетенцию входили вопросы приема на должность присяжного поверенного и исключения из этой должности. Но «никакое постановление Совета присяжных поверенных не могло иметь силы, когда в нем участвовало менее половины членов совета» (ст. 368, 371 «Общего учреждения Судебных установлений»)²². Совет присяжных поверенных отчитывался ежегодно перед Собранием присяжных поверенных и был

подотчетен только ему (ст. 364 «Общего учреждения Судебных установлений»). По Общему учреждению судебных установлений Совет присяжных поверенных определял количество вознаграждения поверенному «по таксе, в случае несогласия по сему предмету между ним и тяжущимся и когда не заключено между ними письменного условия; также распределял между присяжными поверенными процентный сбор, установленного ст. 398. Количество вознаграждения присяжных поверенных за хождение по делам зависит от соглашений их с доверителями. Условие о сем должно быть письменное. Для определения количества вознаграждения поверенных в тех случаях, когда тяжущиеся не заключили с ними письменных о том условий, устанавливается особая такса министром юстиции, по представлениям Судебных палат и Советов присяжных поверенных, которая по утверждении ее в законодательном порядке публикуется во всеобщее сведение» (ст. 396 «Общего учреждения Судебных установлений»).

Адвокатура, созданная в ходе этой судебной реформы, стала быстро завоевывать себе общественный авторитет. Адвокатура стала весьма престижной и высокооплачиваемой сферой деятельности. В числе выдающихся адвокатов России того периода были имена таких юристов, как А.Ф. Кони, В.Д. Спасович, С.А. Андреевский, А.Я. Пассовер, А.А. Герке, А.Л. Боровиковский, А.И. Урусов, П.А. Александров и других.

Присяжная адвокатура не имела надлежащих гарантий свободы слова как закрепленных в законе, так и на практике. Также серьезно ограничивались ее процессуальные права. Участие защитника в предварительном следствии не допускалось, поэтому ознакомиться с делом адвокат имел возможность лишь перед началом судебного разбирательства — уже после составления обвинительного акта. По уголовным делам присяжные поверенные хотя и не имели доступа к предварительному следствию, однако пользовались всеми процессуальными правами в судебном разбирательстве и при обжаловании судебных решений. Впервые в русской истории адвокаты могли выступать перед судом присяжных в открытом заседании. Им также разрешалось иметь свидания с обвиняемым, находящимся под арестом, а в одном из судебных округов Совет присяжных поверенных даже рекомендовал своим членам максимально использовать это право при ведении любых дел²³.

¹⁹ Свод законов Российской империи. Т. XV. С. 55. URL: <http://civil.consultant.ru/code/>

²⁰ Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России. Опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. М.: Изд-во О.А. Соковой, 1913. С. 41.

²¹ См.: Там же. С. 55.

²² Свод Законов Российской империи. Т. XV. С. 56. URL: <http://civil.consultant.ru/code/>

²³ Двадцатипятилетние московских присяжных поверенных: сборник материалов, относящихся

Присяжный поверенный не мог не только быть в одно и то же время поверенным обеих спорящих сторон, но и переходить по одному и тому же делу последовательно от одной стороны к другой (ст. 402 «Общего учреждения Судебных установлений») ²⁴. Присяжные поверенные могли «принимать на себя хождение» (ходатайствовать) по делам во всех судебных местах округа Судебной палаты, к которой они приписаны, и по желанию тяжущегося продолжать ходатайство по данному делу во всех судах, до окончательного решения дела и вне того округа (ст. 384 «Общего учреждения Судебных установлений»).

Положения об адвокатской тайне также находят закрепление в законе. В ст. 403 «Общего учреждения Судебных установлений» сказано: «Присяжный поверенный не должен оглашать тайну своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от оногo и даже после окончания дела», «...безусловная обязанность присяжного поверенного хранить всякую тайну, которую только доверяет ему его клиент... доверенные присяжному поверенному тайны должны считаться священными; никогда, никому и ни при каких условиях он не должен выдавать их, хотя бы был приглашаем к тому самой судебной властью» ²⁵. П.В. Макалинский, оценивая деятельность дореволюционной Санкт-Петербургской присяжной адвокатуры, с гордостью писал: «Мысль о святости профессиональной тайны настолько внедрилась в правосознание нашей адвокатуры, что примеров явного нарушения священного долга адвоката, к чести сословия, до сих пор не наблюдалось» ²⁶.

Однако А. Кони писал, что дореволюционная русская адвокатура «в своем общественном служении была — как слуга государства» ²⁷, хотя закон для ограничения

произвола государственных органов с целью защиты прав и свобод индивидуума использует два правовых понятия: «неприкосновенность» и «тайна». В дореволюционной России следователь мог провести обыск в кабинете присяжного поверенного (адвоката) для обнаружения бумаг, переданных ему обвиняемым или другими лицами (ст. 368, 368.1, 369, 370 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). Адвокат имел право лишь присутствовать при этом ²⁸.

Таким образом, начало российской адвокатуры, ее традиции и принципам было положено еще в 1864 г., более 152 лет назад. Анализ законодательства дореволюционной России в этой области позволяет отметить многие прогрессивные стороны Судебного устава.

Можно констатировать, что принципы, заложенные в основу организации адвокатуры конца XIX века, не потеряли своей актуальности и представляют значительный интерес для решения задач современного общества. Автономность, относительная независимость от государственных властей, выборность и подотчетность советов присяжных поверенных перед членами адвокатской корпорации, самостоятельное нормативное регулирование деятельности корпорации — этим, по крайней мере, в первое время отличалась адвокатура от многих других учреждений царской России.

Судебная реформа 1864 г. заложила основы компетентной и самоуправляемой организации адвокатов. Сформировалась адвокатская профессия, обладавшая как западными, так и традиционно русскими чертами.

Следует подчеркнуть, что основные принципы формирования адвокатуры дореформенного периода легли в основу реформирования российской адвокатуры и в XIX в. Адвокат независим; он свободен, но деятельность его открыта; он постоянно находится под общественным контролем. Организация и деятельность присяжной адвокатуры была основана на следующих принципах: совмещение правозаступничества с судебным представительством; относительная свобода профессии; отсутствие связи с магистратурой (судом); отчасти сословной организации, а отчасти дисциплинарной подчиненности судам; определение гонорара по соглашению.

до сословия присяжных поверенных округа Московской судебной палаты с 23 апреля 1866 года по 23 апреля 1891 года / под ред. А. Нос. М.: Изд-во А.И. Мамонтова и К°, 1891. С. 180.

²⁴ Свод Законов Российской империи. Т. XV. С. 58. URL:// <http://civil.consultant.ru/code/>

²⁵ Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России. Опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. М.: Изд-во Л. Сомовой, 1913. С. 65–66.

²⁶ Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Ч. 2. СПб., 1894. С. 335.

²⁷ Кони А.Ф. Собрание соч.: в 8 т. Т. 4: Правовые воззрения / под ред. В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. Составитель: М.М. Выдря, ред.:

Г.К. Большакова. М.: Юридическая литература, 1967. С. 132.

²⁸ Трунов И.А., Трунова Л.К. Адвокатская тайна в свете реформ правового регулирования // Закон и право. № 4. 2002. С. 16–18.

Несмотря на многочисленные изменения, происходившие в государственно-политическом устройстве России, институт адвокатуры боролся за право оставаться независимым правозащитным институтом во все времена.

Литература

1. Большой юридический словарь / под ред. А.А. Сухарева, В.Е. Крутских; изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 491.
2. Ботнев В.К. Исторический очерк развития адвокатуры в России: учеб.-метод. пособие / В.К. Ботнев. М.: УНЦ ДО, 2005. С. 68.
3. Васильковский Е.В. Организация адвокатуры: в 2-х ч. Ч. 1: Очерк всеобщей истории адвокатуры. СПб.: Н.К. Мартынов, 1893. С. 4–5.
4. Двадцатипятилетние московских присяжных поверенных: сборник материалов, относящихся до сословия присяжных поверенных округа Московской судебной палаты с 23 апреля 1866 года по 23 апреля 1891 года / под ред. А. Нос. М.: Изд-во А.И. Мамонтова и К°, 1891. С. 180.
5. Демидова Л.А., Сергеев В.И. Адвокатура в России. М.: Юстицинформ, 2006. С. 19.
6. К. М-ий. Псковская судная грамота 1497 г. // Северное обозрение. Т. 3. СПб., 1850. С. 441–472.
7. Колоколова Э.Е. Адвокат представитель в гражданском процессе России. М.: Изд-во «Юрлитформ», 2005. С. 19, 22.
8. Кони А.Ф. Собрание соч.: в 8 т. Т. 4: Правовые воззрения / под ред. В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. Составитель: М.М. Выдря, ред.: Г.К. Большакова. М.: Юридическая литература, 1967. С. 132.
9. Корнеев А.А. Зарождение и развитие института адвокатуры до судебной реформы 1864 // Адвокатская практика. 2005. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Ч. 2. СПб., 1894. С. 335.
11. Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России. Опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. М.: Изд-во О.А. Сомовой, 1913. С. 41, 55.
12. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред.: Янин В.А., М.: Юридическая литература, 1984. С. 371, 304–308.
13. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. А.Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. С. 54–62, 97–129.
14. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова. 1986. С. 433, 459.
15. Свод Законов Российской империи. Т. XV. С. 55, 56, 58. URL: <http://civil.consultant.ru/code/>
16. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года: учебное пособие / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 112.
17. Трунов И.Л., Трунова Л.К. Адвокатская тайна в свете реформ правового регулирования // Закон и право. 2002. № 4. С. 16–18.
18. Черепнин Л.В., Яковлев А.И. Псковская судная грамота // Исторические записки. Т. 6. 1940.
19. Чистяков О.И., Новицкая Т.Е. Реформы Александра II. М.: Юридическая литература, 1998. С. 5–36.
20. Энгельман И.Е. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб., 1855. С. 4, 182.

Различия права и морали: ценностный аспект

*Лановая Галина Михайловна,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент
lanovaya-galina@mail.ru*

Статья посвящена анализу особенностей, характеризующих право и мораль в ценностном плане. Доказывается, что вопрос о различиях права и морали в ценностном плане не может быть сведен к дифференциации «правовых» и «моральных» ценностей. Рассматриваются вопросы, связанные с генезисом правовых и моральных ценностей, особенностями их воспроизводства и артикуляции, своеобразием организации и функционирования ценностного строя права и морали.

Ключевые слова: право, мораль, правовые ценности, моральные ценности, иерархия ценностей, правовое регулирование.

Differences of Law and Morality: Value Aspect

*Lanovaya Galina M.,
Doctor of Law, Assistant Professor
Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation*

This article analyzes the features that characterize the law and morality in value terms. It is proved that the issue of differences of law and morality in value terms can not be reduced to a differentiation of legal and moral values. The problems associated with the genesis of the legal and moral values, especially their reproduction and articulation, originality of the organization and functioning of the system of values of law and morality.

Key words: law, morality, legal values, moral values, hierarchy of values, legal regulation.

Для отечественной теоретико-правовой науки традиционно актуальной является проблема различения права и морали. Это в значительной мере связано с тем, что, с одной стороны, доминантой духовности, определяющей специфику российского права, выступает моральность¹, с другой стороны, без установления границы между правом и моралью невозможно решить вопрос о том, что есть право, ключевой для правовой теории.

Сложнее всего различить право и мораль в ценностном плане. Ценности права и морали, как правило, не дифференцируются обыденным сознанием (если такая дифференциация все же проводится, то она свидетельствует о кризисном состоянии системы социального регулирования, в частности, об отчужденности права от человека и об обесмысливании морали). Как следствие, и в теоретическом плане дифференцировать ценности права и морали оказывается достаточно сложно: если вопрос об их сходстве и об их корреляции получает более или менее од-

нозначное решение², то существующие между ними отличия остаются скорее интуитивно схватываемыми, чем артикулируемыми.

Говоря о различиях права и морали в интересующем нас плане, прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что дифференциация ценностей права и морали вряд ли может быть осуществлена исключительно по их содержанию: многие ценности для права и морали являются общими.

Значимым следует признать то, что общие для права и морали ценности всегда имеют нравственные корни, генетически возникают как ценности религиозной или светской морали. Это относится, например, к таким цен-

¹ Малахов В.П. Концепция философии права: научное издание. М., 2012. С. 236.

² См.: Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 107–117; Сигалов К.Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 12–15; Кочкаров Р.М. Ценностный анализ единства права и нравственности // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 12. С. 238–245; Некрасов С.И., Бородавко Л.Т. Ценностное единство нравственности и права // Успехи современного естествознания. 2007. № 11. С. 114–116.

ностям, как справедливость, достоинство, свобода, равенство: рассматривая их в качестве правовых, неизменно обнаруживают, что наделение их ценностным смыслом имеет моральные основания, и в силу этого они часто именуется нравственно-правовыми³.

Право лишено собственных ценностей, как бы ни парадоксально это звучало. Оно лишь придает значение идеалов, ориентиров, оценочных критериев ценностям, генетически являющимся моральными, религиозными, политическими, реже — эстетическими. То, что рассматривается в качестве «собственно правовых ценностей», в реальности всегда имеет моральные, религиозные, политические или эстетические корни.

Например, вряд ли можно согласиться с тем, что «собственно правовой ценностью» является правопорядок⁴. Если бы это в действительности было так, то ценностным смыслом наделялся бы любой порядок, складывающийся на основе права. В реальности там, где речь идет о государственном правопорядке, правопорядок «правильный», «хороший» в ряде случаев противопоставляется «неправильному», «плохому»⁵. Таким образом, правопорядок, органично «вписывающийся» в систему иных правовых ценностей и признаваемый в силу этого имеющим ценность для права, отграничивается от правопорядка, такой ценностью не обладающего.

Сама идея правопорядка является многоуровневой и многозначной, при этом значение правовой ценности придается не правопорядку вообще, а правопорядку, понимаемому определенным образом. В зависимости от того, какие моменты в характеристике правопорядка оказываются значимыми, мы обнаруживаем, что признание его ценности имеет моральные, политические или эстетические корни. Так, призна-

ние ценности правопорядка как стабильной, устойчивой системы общественных отношений имеет моральные корни, правопорядка как организованного и управляемого состояния отношений — политические, правопорядка как гармонии — эстетические.

В отличие от правовых ценностей моральные ценности всегда генетически связаны с самой моралью. Моральное сознание не придает аксиологического смысла тому, что не имеет значения идеалов, ориентиров, целей, оценочных критериев для него самого, и это связано с его обращенностью, прежде всего, «вовнутрь», а не «вовне»: «единое солнце морали, если оно и существует, недоступно человеческому взору. Мораль горит лампадой внутри (в сердце) каждого индивида»⁶. Ценности морали универсальны, но одновременно они и глубоко личностны. Ценности права лишь могут стать лично значимыми в силу того, что они универсальны.

Важно понимать, что воспроизводство ценностей, признаваемых правовыми, вне правовой сферы выступает необходимым условием нормального развития последней. В отношении морали нет оснований утверждать то же самое.

Попытки создания «искусственной» системы «собственно правовых ценностей», не связанных генетически с моральными, религиозными и иными социальными ценностями, приводят к обесмысливанию права. Если ценностным смыслом в праве наделяется то, что не имеет ценности вне правового контекста, то возникающие в силу этого «собственно правовые ценности» оказываются невостребованными человеком и обществом, а базирующиеся на них принципы и нормы перестают восприниматься как справедливые и общеобязательные. Как следствие, эффективность действия права неизбежно снижается.

Еще одним существенным различием права и морали в ценностном аспекте является то, что в праве ценности всегда артикулированы, и их артикуляция имеет вполне определенное внешнее выражение — закрепление в общепризнанных принципах, декларативных нормах и т.д. Моральные ценности могут быть не артикулированными и не имеющими внешней формы выражения, существовать лишь в идеальных формах.

Названное различие связано с тем, что в морали первична внутренняя регуляция поведения человека, а в праве — внешняя. «Мораль не нуждается в том, чтобы она

³ Власова О.В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 12; Рязанова Н.А., Золотарев А.А. К вопросу о справедливости // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 2. С. 41–42; Мишина И.Д. Нравственные ценности в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 9.

⁴ Сидорова Е.В. Миф о правовых ценностях // История государства и права. 2012. № 11. С. 25.

⁵ Казаков В.Н. Правовой порядок в юридической теории и практике: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 19; Бондаренко М.В. Проблема методологического многообразия исследования сущности правопорядка в его ценностном измерении // История государства и права. 2012. № 20. С. 21.

⁶ Гусейнов А.А. Великие моралисты. М., 1995. С. 19.

удостоверялась в публично-общезначимой форме. Достаточно того, что нравственный индивид сам достоверно знает о себе, является он таковым или нет. На то он и надеден совестью⁷. Право всегда формализовано. Правовая оценка — это всегда суждение, в котором оценивающий и оцениваемый разделены, внешняя оценка поступка опирается на систему формализованных критериев, закрепленных действующим правом.

Не менее важным для различения права и морали является то, что ценностный строй права иерархичен, а ценностный строй морали — нет. Именно в силу данного обстоятельства в ситуации конкуренции ценностей правовой выбор сделать достаточно просто, а моральный выбор иногда — практически невозможно.

В праве каждая ценность имеет свою «цену», сопоставимую с «ценой» другой ценности. В этой связи появляется возможность поставить и решить вопрос о соразмерности ценностей, а также обнаружить «высшие ценности». В морали ценностью признается то, что ценится вне зависимости от того, имеет ли оно цену.

Иерархичность ценностному строю права придается целенаправленно, и именно установление иерархии ценностей обеспечивает возможность нормативного регулирования общественных отношений. Иерархия ценностей становится своеобразной «системой координат», в которой выстраивается правовое регулирование, «каркасом», отсутствие которого делает право аморфным и нестабильным, а, следовательно, неспособным реализовывать базовые для него функции. Эффективному функционированию морали отсутствие иерархии ценностей не препятствует, так как она действует как неформализованный регулятор.

В ситуации отсутствия четкой иерархии ценностей и оценивание, и личностный выбор, и принятие решения оказываются затрудненными в ситуации, когда их следует сделать рационально. В силу этого оказывается, что недостаточная четкость и однозначность иерархии ценностей затрудняют правовое регулирование, которое в основе своей является рациональным. Моральному регулированию неиерархизированность ценностей не мешает, так как моральный выбор, как правило, делается интуитивно. В то же время дать внешнюю оценку поступ-

ку как моральному или аморальному всегда значительно сложнее, чем оценить его с точки зрения права. Внешняя моральная оценка может быть «правильной», только будучи ситуативной, правовая оценка может быть дана, исходя из заданных условий, без учета того, что делает конкретную ситуацию, в которой совершается поступок, непохожий на другие. В этом плане показательно то, что в морали решение по аналогии невозможно, в отличие от права.

Далее необходимо отметить, что поскольку моральные ценности не иерархичны, постольку оценка поведению может быть дана только с точки зрения соответствия конкретной ценности, но не системе ценностей в целом. В этой связи конфликт ценностей, в случае его возникновения, оказывается принципиально неразрешимым. Право, в отличие от морали, способно обеспечивать урегулирование сложных ситуаций, в которых возникает не только конфликт интересов, но и конфликт ценностей, и это обуславливается именно иерархичностью правовых ценностей.

Для понимания различий между правом и моралью также значимым является то, что мораль совмещает общественные и индивидуальные ценности. В праве полное совпадение таких ценностей возможно лишь как идеал, но не как реально наблюдаемая на практике ситуация.

В правовой сфере ценное для человека как для субъекта права и общезначимое различимы. Более того, право возникает и действует именно там, где личностно значимые и общепризнанные ценности не совпадают: их принципиальная противоположность выступает источником конфликта. Право призвано устранить этот конфликт или, по крайней мере, обеспечить создание «замыренной среды» как результат осознания членами общества взаимной зависимости друг от друга. Несовпадение личностно значимого и имеющего ценность для общества в целом не разрушает систему правового регулирования, а оказывается необходимым источником ее развития. С одной стороны, право воспроизводится там, где возникает несовпадение существующей системы общезначимых ценностей, определяющих содержание права и механизм правового регулирования, с ценностями, отстаиваемыми отдельно взятой личностью. С другой стороны, право качественно изменяется тогда, когда у людей возникает ощущение неудовлетворенности существующей иерархией ценностей, и право, приводимое в действие организованной

⁷ Гусейнов А.А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // Этическая мысль: современные исследования. М., 2009. С. 40.

силой государства, оказывается неспособным поддерживать основанный на ней порядок.

В морали любая ценность одновременно является и личной, и общественной. Это связано с тем, что социализация неразрывно связана с интериоризацией моральных ценностей той социальной общности, с которой индивид себя идентифицирует. При этом любая трансформация общезначимых ценностей в процессе превращения их в источники внутренней мотивации человека воспринимается другими членами общества как отклонение. Пока такое отклонение, нарушающее нормальное функционирование системы морального регулирования, не будет устранено (т.е. пока из сознания не будут вытеснены лично значимые установки, противоречащие общезначимым ценностям), личность не сможет нормально взаимодействовать с той социальной средой, в которой она существует, и не сможет самореализоваться.

Эффективное моральное регулирование оказывается возможным только при условии принципиальной непротивопоставленности лично значимых и общепризнанных ценностей также и в силу того, что базовыми механизмами, обеспечивающими действенность морали, являются, с одной стороны, механизм совести, с другой стороны, механизм осуждения. В случае возникновения разрыва между лично значимым и имеющим общепризнанную ценность у членов общества, с одной стороны, исчезает внутренняя духовная потребность в соблюдении моральных норм, с другой стороны, формируется устойчивое нежелание порицать нравственные пороки других.

Возникновение и конкурирование различных систем ценностей в моральной сфере является верным признаком ее деградации и разрушения. В правовой сфере ситуация, когда «конкурируют различные ценностные системы, ... наблюдается сосуществование противостоящих систем ценностей»⁸, является не такой уж редкой. При этом деградации системы правового регулирования не происходит, напротив, конкуренция систем ценностей оказывается источником развития права. Так, например, источником развития права выступает конкуренция ценностей естественного и позитивного права, международно-правовых ценностей и ценностей,

генетически связанных с национальной правовой культурой.

В силу существующих различий в характере связи лично значимых и общезначимых ценностей в морали и праве, а также в механизмах действия названных социальных регуляторов изменение их ценностного строя по-разному влияет на их функционирование.

Существенные изменения в ценностном строе морали приводят к тому, что названный регулятор утрачивает способность эффективно функционировать. В правовой сфере декларирование новых ценностей, равно как и изменение иерархии ценностей сами по себе не оказывают существенного влияния на способность права реализовывать свои собственные функции. В рассматриваемой ситуации возникающая дисфункциональность права, если она обнаруживается, обуславливается не столько сменой ценностных ориентиров, сколько возникновением разрыва между ценностями в праве и существующими моральными, религиозными, политическими и иными социальными ценностями. В ситуации, когда коренные изменения затрагивают одновременно все составляющие системы социального регулирования и их принципиальной раскоординированности в ценностном плане не возникает, право чаще всего оказывается эффективнее других регуляторов.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что вопрос о различиях права и морали в ценностном плане является весьма сложным и не может быть сведен к дифференциации «правовых» и «моральных» ценностей. Представляется очевидным, что дальнейшее изучение проблемы может стать новым перспективным направлением развития теории права, разработка которого позволит решить целый ряд вопросов, представляющих академический и практический интерес.

Литература

1. Бондаренко М.В. Проблема методологического многообразия исследования сущности правопорядка в его ценностном измерении // История государства и права. 2012. № 20.
2. Власова О.В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: обще-теоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
3. Гусейнов А. А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995.
4. Гусейнов А.А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // Этическая мысль: современные исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

⁸ Фабрика И.В. Аксиологическая сущность правосознания личности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 3.

5. Казаков В.Н. Правовой порядок в юридической теории и практике: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003.
6. Кочкаров Р.М. Ценностный анализ единства права и нравственности // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 12.
7. Малахов В.П. Концепция философии права: научное издание. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
8. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М.: Изд-во СГУ, 2008.
9. Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Методологические проблемы правового знания. М.: Из-во «Граница», 2013.
10. Мишина И.Д. Нравственные ценности в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.
11. Некрасов С.И., Бородавко А.Т. Ценностное единство нравственности и права // Успехи современного естествознания. 2007. № 11.
12. Рязанова Н.А., Золотарев А.А. К вопросу о справедливости // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 2.
13. Сигалов К.Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2.
14. Сигалов К.Е. Частноправовые и публично-правовые основания эффективности государства // История государства и права. 2014. № 17.
15. Сидорова Е.В. Миф о правовых ценностях // История государства и права. 2012. № 11.
16. Фабрика И.В. Аксиологическая сущность правосознания личности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.

Вопросы толкования права через призму учения Г.Ф. Шершеневича

*Беляева Ольга Маратовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук
olga.beliaeva@mail.ru*

Шершеневич считал неправильным предписывать правоинтерпретационной деятельности элемент какой-либо научности, сводя тем самым толкование права к «низшей юриспруденции». Правовед подчеркивал, что необоснованно выделять и такой вид толкования, как аутентичное толкование, так как это и «не толкование вовсе, а закон». Шершеневич подчеркивал, что зачастую ошибочно распространительное толкование отождествляют с аналогией права. Тем самым мыслитель заложил ряд интересных идей и аргументов в развитие учения о юридической герменевтике.

Ключевые слова: толкование права, аналогия права, судебный прецедент, пробел в праве.

Issues of Law Interpretation through the Prism of Doctrine of G.F. Shershenevich

*Belyaeva Olga M.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Kazan (Volga region) Federal University,
Candidate of Legal Sciences*

Shershenevich found it faulty to give an element of any scientific character to law interpreting activity thus reducing law interpretation to the so called "inferior jurisprudence". The jurist pointed out that it was unreasonable to single out such a kind of interpretation as legal interpretation as well because "it isn't interpretation at all, but the law". Shershenevich pointed out that very often extended interpretation was mistakenly identified with analogy of the right. Thereby, the thinker laid the foundation of several interesting ideas and arguments in further development of juridical hermeneutics' doctrine.

Key words: law interpretation, analogy of the right, judicial precedent, deficiency of law.

Габриэль Феликсович Шершеневич (1863–1912) — известный русский дореволюционный юрист, философ, профессор Казанского

и Московского университетов, представитель юридического позитивизма, депутат I Государственной Думы.

Основные работы мыслителя: «Общее учение о праве и государстве» (1911), «Общая теория права» (1910–1912), «История философии права» (1904–1905), «Учебник русского гражданского права» (1894), «Наука гражданского права в России» (1893), «Курс торгового права» (1908). Ряд работ Шершеневич посвятил конкретным проблемам теории права: «Общее определение понятия о праве», «Конституционная монархия», «О чувстве законности», «О применении норм права» и др.

Теоретико-методологической базой учения Г.Ф. Шершеневича явились позитивизм (в юриспруденции), а также идеи социалдарвинизма, экономического материализма и различных психологических школ права (в социологии).

Понятие права Г.Ф. Шершеневич интерпретировал позитивистски: под ним он понимал только действующее законодательство. Право, утверждал мыслитель, — это норма должного поведения человека, неисполнение которой влечет за собой принуждение со стороны государственных органов. Акцент на формально-юридические характеристики права позволял избежать его расширительного толкования, показать его действительность. Чаще всего право смешивают с моралью, поскольку, по мнению Г.Ф. Шершеневича, современное правоповедение «тоскует по идеалу» [5, с. 463].

Ученого тревожило чрезмерно расширительное толкование права, а именно распространение названия «право» на другие отношения, которые не подпадают под действие права или подпадают только отчасти: «Расширение права производится главным образом за счет нравственности. Право часто предписывает себе то, что на самом деле создается и поддерживается моралью, не так заметно для глаза, но зато гораздо прочнее» [4, с. 344]. Поэтому философия права должна четко ограничивать правовое от неправового.

Любой «дуализм права», то есть противопоставление действующему праву «идеального права», Шершеневич последовательно отвергал. Понятие естественного права, замечал мыслитель, на всей истории имело самые разные толкования. Особо жесткой критике Шершеневич подвергал возникшую в те годы концепцию естественного права с изменяющимся содержанием. Он считал, что эта концепция не только научно несостоятельна, но и социально вредна, поскольку стремится подменить действующее право меняющимся идеалом. Шершеневич доказывал опасность

дуализма — «исторически сложившегося права и умопостигаемого». Противопоставление действующего права и права «идеального» ведет, по его мнению, к удвоению правового порядка, смешению права с другими социальными нормами [2, с. 485].

Истолковать норму права, пишет Габриэль Феликсович, значит разложить ее на ряд представлений, в ней выраженных и соответствующих представлениям, какие имелись у ее творца.

Необходимо отметить, что правоведа в традициях русской дореволюционной мысли отказывал провозинтерпретационной деятельности в научности. «Совершенно неправильно рассматривать процесс толкования норм права как научную деятельность. Толковать законы могут и должны все, обязательные сообразовать свое поведение с велениями норм права, но это не значит, что уяснение мысли закона носило научный характер. Ничего систематического в этой деятельности нет, а это и есть требование науки. Профессиональный юрист, в процессе толкования законов, выделяется не какой-то особой юридической логикой, которой не существует, не научным изучением явлений особого рода, которых в данном случае не имеется, а просто опытом и приемами, которые в совокупности дают основание для искусства толкования, но не для науки.

С другой стороны, совершенно недопустимо утверждать, что толкование не поддается никаким правилам, что оно совершенно свободно, как творчество поэта. Неудивительно, что юристы, которым приходится затрачивать так много усилий на толкование, издавна стремились выработать технику толкования под именем юридической герменевтики», — пишет Шершеневич [6].

Все ли законы подлежат толкованию или только неясные законы? Господствующее мнение, со времени Савиньи, высказывается за необходимость толкования каждого закона, независимо от степени его ясности. Но имеются противники этого взгляда, по мнению которых ясные законы в толковании не нуждаются. Где все ясно и понятно — там о приемах толкования не может быть и речи. Подтверждением тому служит, говорят, тот факт, что степень темноты закона отражается на количестве и трудности толкования. Если эта темнота сводится к нулю, то и толкование становится беспредметным. Нет такой нормы, в которой все было бы ясно и понятно, потому что понятное для юриста может быть неясным для лица, не получившего юридического образования, незнакомо-

го с выражениями законодателя. Во всяком случае необходимо выяснить, нет ли в норме неясностей, а это уже задача толкования.

Интересны воззрения Шершеневича на такой вид толкования, как аутентическое (авторское) толкование. Мыслитель последовательно доказывает, что такой вид толкования отсутствует вовсе.

Аутентическое толкование исходит от самого законодателя, который в законодательном порядке дает разъяснение, как следует понимать изданный ранее закон. «Сила аутентического толкования не в его убедительности, а в его обязательности. Хотя бы толкование законодателя шло вразрез с логикой, оно все же обязательно для всех, как закон. Поэтому аутентическое толкование — это и не толкование закона, а закон» [3, с. 342].

Что является объектом толкования. Мысль или воля, выраженная в норме права? Этот вопрос следует признать совершенно излишним, отмечает Шершеневич, потому что волю от мысли в законе нельзя отделить, воля обращается к воспринимающим ее в виде мысли. Воля без мысли непостижима, мысль без воли не будет нормой права.

По выяснении, что объектом толкования является мысль или воля, выраженные в законе, перед нами встает новый вопрос, чья мысль или воля должна быть раскрыта, законодателя или закона? Здесь мы опять-таки встречаемся с противоречивыми решениями вопроса. Более раннее по времени воззрение признавало, что выяснению при толковании подлежит воля законодателя, выраженная в законе. В новое время выдвинулось другое воззрение, которое стало сильно оттеснять первое. С этой новой точки зрения выяснению при толковании подлежит воля закона, оторванная от первоначальной воли законодателя... «Закон, как говорит Вах, это не слово, за которым стоит воля, а это слово, ставшее волей. Дальше всего идет в этом направлении Колер: «законы должны быть толкуемы не по мысли и воле законодателя, но должны быть толкуемы социологически, т.е. должны быть изъясняемы, как продукты всего народа, которого органом является законодатель» [6].

На замечание, что выражение «воля закона» чисто фигуральное, сторонники нового направления возражают, что также фигурально и выражение «воля законодателя», что если у закона нет психологической воли, то нет ее и у законодателя. Где должны мы искать реального творца закона в сложном законодательном механизме? Следует ли в современном конституционном государстве

считать таковыми всех членов парламента или только тех, кто говорил в его пользу, или тех, кто голосовал за него, или, может быть, министра, который внес законопроект, или тех лиц, которые помогли ему в изготовлении его? Где же искать творца закона, чья мысль и чья воля вложены в него? — вопрошает правовед.

Столкновение мнений, отстаивающих два различных принципа применения законов, сплетается еще с разногласием по вопросу, чья воля толкуется в законе — законодателя или закона. Оторванность воли закона от воли законодателя бросает норму права в область совершенного произвола при ее применении. Если мы будем, по совету Колера, смотреть на закон как на продукт всего народа, то закон, под флагом народного блага, легко может сделаться сам орудием социальной борьбы. Конечно, не лишена опасности и точка зрения, направляющая толкование на путь отыскания воли законодателя. Не оправдывает ли она такое толкование закона, которое будет считаться с намерениями законодателя, хотя бы и не выражаемыми в законе? Не побуждает ли этот взгляд на то, чтобы всеми средствами, помимо текста закона, обнаружить, чего хотел достичь законодатель изданием закона, хотя бы для этого пришлось обратиться к частной переписке, к разговорам государственных деятелей. Но эти опасения совершенно не обоснованы, раз дело идет о выяснении воли законодателя, насколько она выразилась в законе. Не то важно, что хотел законодатель, а то, что он успел и сумел выразить в законе.

За этим встает вопрос, нельзя ли для уяснения смысла закона обращаться к источникам, стоящим вне закона? Такими внешними источниками могут служить мотивы к изданным законам, объяснительные записки к проектам, протоколы заседаний комиссии по составлению проекта, протоколы прений в парламенте и т.д. По одному, весьма распространенному среди французских юристов мнению, при толковании законов необходимо принимать во внимание внешние источники. Кто ищет волю законодателя, тот должен использовать все, что способно раскрыть эту волю, совершенно так же, как литературный критик ищет ключ к творчеству писателя даже в его частных письмах, в его беседах. Другое воззрение относится совершенно отрицательно к внешним источникам и считает недопустимым прибегать к их помощи для объяснения законов, содержание которых может далеко разойтись с первоначальными предположениями. Некоторые вы-

сказывают даже пожелание, чтобы все эти мотивы, протоколы не делались вовсе достоянием публики, чтобы они, во избежание соблазна, подвергались полному уничтожению. Существует стремление применить крайние точки зрения. Внешние источники, говорит Эннексерус, хотя и «не имеют самостоятельного значения, но могут быть приняты во внимание, если вытекающая из них мысль нашла себе хотя неполное и сомнительное выражение в законе». По мнению Васьковского [1, с. 215], «когда толкование нормы, несмотря на применение всех внутренних данных, оказалось безуспешным, и смысл нормы остался неясным, тогда... так как отговариваться непониманием закона нельзя, то значит, нужно обратиться к внешним источникам».

Допустить обращение к внешним источникам, значит вменить гражданину в обязанность пользоваться этим средством, так как каждый должен не только знать, но и понимать законы. Но чтобы вменить гражданам в обязанность знакомство с внешними источниками, законодатель должен бы их так же доводить до общего сведения, как и законы. Однако публикации мотивов, протоколов, записок не бывает. Следовательно, знание их необязательно. А если оно необязательно, то толкование, основанное на них, не может иметь большей юридической силы, чем толкование без них.

С другой стороны, выдающийся пример юридической ошибки приводит сам Шершеневич, ссылаясь на Гражданский кодекс Румынии 1864 года. С изданием кодекса очень спешили и последствием этого, помимо всех иных ошибок, было то, что в то время как в подлиннике, утвержденном королем, имелось 1 936 статей, в опубликованном тексте их оказалось только 1 914. В течение многих лет никому даже в голову не приходило, что применяемый кодекс содержит неподлинный текст, и только случайно ошибка была обнаружена ученым, отыскавшим оригинал в архиве министерства юстиции.

Здесь перед нами встает еще один вопрос толкования. Должно ли толковать законы по тому смыслу, какой они имели в момент их издания, или по тому смыслу, какой они получают в момент применения? Габриэль Феликсович в связи с этим поднимает еще одну острую проблему — речь идет о динамичном толковании, которое допускает изменение текста закона в процессе интерпретации в угоду новым веяниям в общественной жизни.

«Наилучшее толкование законов то, которое лучше всего приспособляется к запросам текущего момента». Судья, которому

приходится применять закон, ставший в противоречие с общественным благом, отмечает Габриэль Феликсович, должен обратить внимание на то извращение, какое испытал текст от действия времени, повергнуть его, пытаясь, если нужно, лишь бы извлечь решение, хотя и несогласное с тем, что имел в виду законодатель, но зато соответствующее современным требованиям [6].

Допустимо ли распространительное толкование в отношении уголовных законов? Уголовный закон, пишет Шершеневич, налагает наказание за истребление или повреждение чужой вещи (Россия). Неужели этот закон не применим к тому случаю, когда я, стоя на пароходе рядом с лицом, показывающем мне ящик с документами, где хранятся важные для меня документы, толкая его под руку так, что ящик летит в воду, хотя я не истребил и, может быть, не повредил вещь? Очевидно, распространительное толкование в уголовном законодательстве имеет такое же приложение, как и везде [6].

Допустимо ли распространительное толкование в отношении исключительных законов? Отрицательный ответ на этот вопрос часто выдается за школьную истину. Между тем едва ли вопрос так просто решается. Скорее мы имеем здесь дело с ходячим предрассудком, который вызван тем, что под распространительным толкованием понимают и аналогию. Если исключительным законом называть такой, который содержит в себе изъятие из общего законодательства, то нет никакого основания не допускать в отношении его пользоваться распространительным толкованием.

Аналогия права есть применение права, но нельзя утверждать, что аналогия есть толкование, и говорить об аналогическом толковании. Толкование ставит себе задачу уяснить мысль, высказанную в законе, а аналогия исходит из предположения, что искомая мысль в законе или в законах не высказана.

При первом взгляде применение права по аналогии закона представляет некоторое сходство с распространительным толкованием. Но в действительности между ними существенное различие. В распространительном толковании мы имеем дело с обстоятельствами, которые законодатель предвидел, но не сумел выразить словами, тогда как аналогия закона считается с обстоятельствами, которые законодателем не были предусмотрены. Поэтому в распространительном толковании большая посылка дана непосредственно в законодательстве, тогда как при

аналогии закона такой посылки нет: ее еще приходится подготовить из имеющего ее в законодательстве материала. Аналогия закона недопустима в отношении уголовных законов, а также исключительных законов.

Таким образом, Г.Ф. Шершеневич в работе «Общая теория права» (1910–1912) сформулировал ряд важнейших постулатов правоинтерпретационной деятельности, а именно:

- аутентичного толкования нет — это процесс, по сути, не что иное, как правотворчество;
- расширительное толкование и аналогия закона — это две разные вещи;
- распространительное толкование возможно в отношении исключительных и уголовных законов, но не аналогия закона;

• юридическая герменевтика — это не наука, а необходимое требование для осуществления юридической деятельности.

Литература

1. Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002.
2. История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста, В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2009.
3. Радько Т.Н. Теория государства и права: хрестоматия. М.: Академический Проект, 2005.
4. Рассолов М.М. История политических и правовых учений. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.
5. Рубаник С.А. История политических и правовых учений. Академический курс. М.: Юрайт, 2012.
6. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: в 2-х т. Т. 1. М., 1995.

История наследственной трансмиссии в российском праве в досоветский период

*Смирнов Станислав Александрович,
начальник отдела управления
персонала Центрального хранилища Банка России,
кандидат юридических наук
smirnovprawo@rambler.ru*

В статье представлен обзор генезиса и развития наследственной трансмиссии в российском праве до 1917 г., выделены особенности его восприятия в теории и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: наследование, право на принятие наследства, срок принятия наследства, наследственная трансмиссия.

History of Inheritance Transmission in the Russian Law in Pre-Soviet Period

*Smirnov Stanislav A.,
Head of the Human Resources Management Department
of the Central Repository of the Bank of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

The article provides an overview of the genesis and development of the hereditary transmission in the Russian law before 1917, highlighted the features of its perception in the theory and in juridical practice.

Key words: inheritance, the right to accept the inheritance, term of acceptance of inheritance, hereditary transmission.

Трансмиссия — то есть замена наследника (трансмиттента) в ситуации, когда он умер, не успев принять открывшееся в его пользу наследство, его собственным наследником (трансмиссаром) по своей истории и развитию является одним из самых малоизученных правовых механизмов в российском праве.

История трансмиссии вообще неразрывно связана с эволюцией общественного статуса личности, с признанием феномена индивидуализма со стороны права.

Сама по себе ситуация смерти наследника через непродолжительное время после открытия причитающегося ему наследства — явление, разумеется, нередкое. Вместе с тем

правовая квалификация данной ситуации в различные эпохи осуществлялась неодинаково. С внешней стороны критерием (в котором сконцентрированы социально-экономические, политические, духовные факторы различных цивилизаций) здесь выступает признание правом значения личности конкретного наследника и его **воли** в механизме принятия наследства.

По замечанию Д.В. Дождева, применительно к архаическому периоду римского права (753–367 гг. до н.э.), «не только подвластные, но и домовладыка не имеют индивидуального лица, представляя в гражданском обороте автономное целое — familia»¹. Вместе с тем именно в римском праве уже в классический период (17–235 гг. н.э.) на основе преторской практики и императорских рескриптов наблюдается генезис трансмиссии².

Из обзора источников, относящихся к частному праву допетровского периода отечественной истории, имеются все основания полагать, что до XVIII в. отдельная регламентация ситуации трансмиссии в российском праве отсутствовала. Данное обстоятельство вполне укладывалось в социально-экономический контекст, в котором все еще был выражен родовой, но не индивидуальный характер владения имением³.

Во второй половине XVII в., уже после принятия Уложения 1649 г., наблюдаются попытки законодателя урегулировать все более возрастающее количество разнообразных владельческих ситуаций. Среди них — смерть наследника после открытия наследства при неопределенности его воли⁴.

Вместе с тем цель законодателя состояла здесь вовсе не в признании перехода прав к наследникам такого умершего наследника, а в разрешении более частных вопросов: лица какого пола и в каких долях должны унаследовать имущество. Может показаться, что мы нашли исторический след трансмиссии в норме ч. II п. 7 Новоуказных статей 1677 г. Согласно данной норме в случае, когда после смерти вотчинника остались сын и дочь, при этом сын умер, не «справив» за собой вотчину, а дочь «справила», но у этого умершего сына остались дети, следует отдавать вотчину только этим детям умершего наследника, игнорируя права дочери наследодателя. Здесь очевидно, что в данном случае мы встречаем вовсе не трансмиссию в ее классическом понимании, а всего лишь пример преимуществва наследственных прав лиц мужского пола перед женским.

Ситуация несколько меняется после принятия Указа Петра I от 23 марта 1714 года «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах»⁵ (распространенное публицистическое наименование — «Указ о единомаследи»), который довольно скоро потребовал разъяснений и дополнений, которые последовали в Пунктах о вотчинных делах от 28 мая 1725 г.⁶

Данный документ — первый и единственный до 1964 г. в отечественном законодательстве нормативный правовой акт, который содержал прямое законодательное регулирование ситуации трансмиссии, именуя соответствующий механизм «правом представления».

Согласно резолюциям 2 и 3 на п. 2 в случае, когда наследник умер после открытия наследства, но в пределах срока на его принятие или во время рассмотрения его ходатайства о принятии наследства, право переходит **«по праву представления»** к его сыну. Причем в пояснение к этому случаю — когда наследник умер до истечения срока на принятие наследства, не «бив челом» о нем, указано следующее: «хотя о справке за ним челобитья и не было, отдать оставшему по нем сыну для того, что бить челом о том **смерть его не допустила**» (выделено мной — С.С.)⁷.

Совершенно противоположно законодатель рассматривал ситуацию, когда на-

¹ Дождев Д.В. Римское архаическое наследственное право. М.: Наука, 1993. С. 63.

² Подробнее о таких казусах в преторской практике классического периода см.: Смирнов С.А. Эволюция наследственной трансмиссии в гражданском праве // Нотариальный вестник. 2015. № 10. Заметим, что в литературе иногда возникновение трансмиссии ошибочно отнесено к постклассическому периоду. См.: Кузнецова Э.А. Наследственная трансмиссия в римском частном праве (transmissio hereditatis) // Наследственное право. 2006. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Элементы индивидуального владения можно проследить на примере предоставляемых за службу поместий, которые, однако, далеко не сразу и не всегда допускались к наследованию. См. подробнее: Лакиер А. О вотчинах и поместьях. СПб., 1848. 230 с.

⁴ См., например: Именной указ с Боярским приговором от 1 мая 1650 г., пп. 7 и 14 статей о разделе вотчин между родственниками от 14 марта 1676 г., ч. II п. 7, п. 14 Новоуказных статей о поместьях и вотчинах от 10 августа 1677 г. //

Полное Собрание Законов Российской Империи (далее — ПСЗ). Т. I. № 32. С. 227, № 634. С. 26; Т. II. № 700. С. 131. СПб., 1830.

⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. V. № 2789. С. 91.

⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. VII. № 4722. С. 477.

⁷ Там же. С. 479.

следник умер **ранее** наследодателя (рез. 5 на п. 2): здесь «право представления» не действует, и наследники такого наследника, умершего прежде наследодателя, не призываются: «и тот его сын при родном дяде не наследник»⁸.

С точки зрения современного права, положения Пунктов 1725 г. парадоксальны: наследственная трансмиссия рассматривается как право представления, а там, где подразумевается право представления, оно не признается. Однако необходимо учитывать контекст основного документа — Указа 1714 г.: существенно ограниченные в наследственных правах младшие сыновья наследодателя при отпадении своих старших братьев в то же время получали в Пунктах 1725 г. явное преимущество по сравнению с потомством этих старших братьев — как более взрослые, служилые члены рода.

Рудименты наследственной трансмиссии наблюдаются и в резолюции № 1 на п. 9, согласно которой если после смерти отца семейства его сын и наследник также умрет, «не справя за собою отцовского недвижимого имения», и других сыновей у отца семейства не осталось (или остались, но дочери), то «после такого умершаго бездетной жене из недвижимого имения, хотя отцовское за мужем ея было и не справлено, четвертую часть давать, **понеже он был законной наследник** (выделено мной — С.С.), и когда б он был жив, тоб дочерям того недвижимого дать было не довелось».

Указанные фрагменты Пунктов 1725 г. свидетельствуют о том, что законодатель признавал сохранение возникших прав наследника, умершего после открытия наследства и не успевшего его принять, и, несмотря на родовую доминанту имущественного оборота, транслировал данный наследственный статус на его вдову. Вдова, разумеется, кровной родственницей своего покойного свекра не являлась и поэтому не могла наследовать ему непосредственно, следовательно, ее наследование (хотя и в усеченном виде) обусловлено правами супруга.

В последующие годы до царствования Екатерины II в отечественном законодательстве не наблюдаются какие-либо заметные попытки урегулировать ситуацию трансмиссии. Повседневная практика вместе с тем заставляла вернуться к данному вопросу.

Так, в Высочайше утвержденном докладе Сената от 15 марта 1770 г. по делу Жеребят-

никовых⁹ было отмечено: «...бил ли челом ли кто о справке и справил ли за собою [наследство] при жизни своей, в том нет никакой надобности, но по смерти каждаго то, что ему принадлежало, хотя бы за ним исправлено не было, получают их прямые и ближайшие наследники».

В указанном деле Сенат признал юридическое значение факта **призвания** к наследованию лица, смерть которого наступила некоторое время спустя после наследодателя — нереализованное право получали наследники такого лица по прямой нисходящей линии (в данном случае — правнук), устраняя от наследства иных более отдаленных родственников.

В Своде Законов, введенном в действие с 1 января 1835 г., наследственная трансмиссия как отдельный развитый правовой институт отсутствовала. Согласно ст. 1123 Свода если при открытии наследства наследник не находится **уже** в живых, то место его занимают и в степень его вступают его дети (при их отсутствии — внуки и другие нисходящие), что и называется *правом представления*¹⁰.

Очевидно, что ситуация, когда наследник умер **после** открытия наследства (собственно ситуация наследственной трансмиссии), оставалась в законе неурегулированной.

Вместе с тем в числе источников к ст. 1123 мы находим в том числе правовые акты по разрешению казусов, когда наследник умер не ранее, а **после** смерти наследодателя (т.е. казусы по трансмиссии): например, разобранные нами Именной указ с Боярским приговором от 1 мая 1650 г., указ Сената от 15 марта 1770 г. по делу Жеребятниковых.

Несмотря на то, что упомянутые нами выше Пункты о вотчинных делах 1725 г., введшие в качестве общего правила трансмиссию под наименованием «право представления», были включены в Свод Законов как действующий источник (к ст. 1226, 1259, 1266), тем не менее данный правовой акт по неизвестным причинам был проигнорирован в подстрочнике к ст. 1123. Примечательно также, что нормы о трансмиссии, закрепленные в Пунктах 1725 г., не нашли какого-либо отражения в правовой литературе дореволюционного периода (и, разумеется, последующих периодов), что также не представляется оправданным.

⁹ ПСЗ. Собр. 1. Т. XIX. № 13428. С.25.

¹⁰ Свод Законов Российской Империи: в 5 кн. Кн. 4 / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. С. 96.

⁸ Там же.

В практике Сената понятия трансмиссии и права представления нередко смешивались между собой¹¹. Поэтому неубедительным следует признать утверждение Э.А. Кузнецовой о том, что Сенат строго отделял трансмиссию от права представления¹².

Знаменательным для истории наследственной трансмиссии на пороге революции явилось решение Сената от 24 сентября 1914 г. № 44 по делу опеки Марковой¹³, в котором сосредоточились все противоречия российской юридической мысли в отношении механизма трансмиссии.

В решении мы встречаем двойственность понимания Сенатом природы права на наследство, которое не успел реализовать наследник ввиду собственной смерти. Так, в одной части решения высшая судебная инстанция понимала его как право-возможность. В другой же части, признавая потенциальный, правообразующий, незавершенный характер данного права, Сенат, нисколько не сомневаясь, придает ему дополнительную и прямо противоположную квалификацию: именует его «имущественным», допускает включение его в состав наследства и распоряжение им посредством завещания. Именно этими свойствами права на принятие наследства Сенат и обосновывал трансмиссию.

В научной литературе дореволюционного периода трансмиссия также понималась различно. Так, отождествляли трансмиссию и право представления А. Любавский и М.А. Левитский¹⁴. Напротив, самостоятельным механизмом признавали трансмиссию П. Кравцов, С. Завадский, М. Катков, А.А. Башмаков¹⁵.

¹¹ Решения от 1874 г. № 688, от 1882 г. № 63, от 1900 г. № 78. Законы Гражданские (Свод Законов. Т. X, ч. 1). Практический и теоретический комментарий / под ред. А.Э. Вормса, В.В. Ельашевича. Вып. 3. М., 1914. (автор комментария к ст. 1124 — П. Кравцов). С. 125.

¹² Кузнецова Э.А. Переход права на принятие наследства (наследственная трансмиссия): основные положения // Наследственное право. 2014. № 2. С. 34.

¹³ Фруктов А.А. Кассационная практика // Журнал Министерства Юстиции. 1915. № 2. Петроград.: Сенатская типография. С. 278–279.

¹⁴ Любавский А. О принятии наследства и отречении от него (комментарий на ст. 1254–1268 Закона Гражданского) // Юридический вестник. Книги десятая и одиннадцатая. М., 1869. С. 44; Левитский М.А. О праве представления по нашему закону (ст. 1123 Т. X, ч. 1) // Журнал Министерства Юстиции. 1909. № 2. С. 190–199.

¹⁵ Законы Гражданские (Св. Зак. т. X, ч. 1). Практический и теоретический комментарий / под ред.

Обоснование самой трансмиссии как замены наследника у правоведов также было неодинаковым. Одна из самых распространенных, но необоснованных гипотез, которую выражали И.М. Тютрюмов, А.М. Гуляев¹⁶, А. Любавский¹⁷, П. Кравцов¹⁸, С. Завадский¹⁹, состояла в том, что право на принятие наследства, будучи имущественным, включается в наследственную массу и переходит по наследству в порядке трансмиссии.

М.А. Левитский возражал против такого подхода, ошибочно полагая, что трансмиссия основана на факте родства, и облечена в форму права представления²⁰.

Обособленной являлась гипотеза трансмиссии, развиваемая в упоминаемой нами выше монографии М. Каткова. Автор вкладывал в понятие «право на наследство» смысл **права-возможности**. Однако представить непротиворечивую теорию трансмиссии автору, по нашему мнению, не удалось: понимая данный механизм как преемство **в призвании** к наследованию²¹, М. Катков в то же время полагал, что здесь происходит переход имущественного права на принятие наследства.

Завершая краткий обзор истории трансмиссии в российском праве XIX — начала XX вв., необходимо упомянуть о том, что данный правовой механизм предусматривался в проектах Гражданского уложения 1809²² и 1905 гг.²³

А.Э. Вормса, В.В. Ельашевича. Выпуск третий. Ст. 1222–1373. М., 1914. С. 127–128 (автор комментария к ст. 1124 — П. Кравцов); Завадский С. Несколько слов о праве представления // Журнал Министерства Юстиции. 1908. № 5. С. 142; Катков М. Преемство в праве наследования по римскому и современному праву. М., 1904. 278 с.; Башмаков А.А. Право представления и поколенное преемство // Наследственное право. 2010. № 2. С. 35–38. Цит. по: Башмаков А.А. Право представления и поколенное преемство. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1896. 30 с.

¹⁶ Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 517; Гуляев А.М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения (изд. 2-е, доп.). СПб., 1911. С. 422.

¹⁷ Там же. С. 44.

¹⁸ Там же. С. 125, 127–128.

¹⁹ Там же. С. 142.

²⁰ Там же. С. 193–196, 198.

²¹ Там же. С. 255.

²² Параграф 209 ч. 2 проекта 1809 г. // Архив Государственного Совета. Т. IV. СПб., 1874. С. 135–136.

²³ Ст. 1508: Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по

Резюмируя обзор досоветского периода истории трансмиссии, следует отметить довольно хаотичное ее положение: установленная в 1725 г., она вследствие нестабильности законодательства была бесосновательно забыта и утрачена в качестве самостоятельного механизма. Обоснование же трансмиссии как в теории, так и в правоприменительной практике было далеко от ее истинной природы.

Литература

1. Башмаков А.А. Право представления и поколенное преемство // *Наследственное право*. 2010. № 2. С. 35–38.
2. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.А. Саатчиан. Т. 2. СПб.: Законоведение, 1910. С. 128.
3. Гуляев А.М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения (изд. 2-е, доп.). СПб., 1911. С. 422.
4. Дождев Д.В. Римское архаическое наследственное право. М.: Наука, 1993. 191 с.
5. Завадский С. Несколько слов о праве представления // *Журнал Министерства Юстиции*. 1908. № 5. С. 142.
6. Законы Гражданские (Свод Законов. Т. X, ч. I). Практический и теоретический комментарий / под ред. А.Э. Вормса, В.В. Ельяшевича. Вып. 3. М., 1914. (автор комментария к ст. 1124 — П. Кравцов).
7. Катков М. Преемство в праве наследования по римскому и современному праву. М., 1904. 278 с.
8. Кузнецова Э.А. Наследственная трансмиссия в римском частном праве (transmissio hereditatis) // *Наследственное право*. 2006. № 2.
9. Кузнецова Э.А. Переход права на принятие наследства (наследственная трансмиссия): основные положения // *Наследственное право*. 2014. № 2.
10. Левитский М.А. О праве представления по нашему закону (ст. 1123 Т. X. ч. 1). // *Журнал Министерства Юстиции*. 1909. № 2. С. 190–199.
11. Любавский А. О принятии наследства и отречении от него (комментарий на ст. 1254–1268 Зак. Гражд.) // *Юридический вестник*. Книги десятая и одиннадцатая. М., 1869. С. 44.
12. Свод Законов Российской империи: в 5 кн. Кн. 4 / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. С. 96.
13. Полное Собрание Законов Российской империи: в трех собраниях. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (издавалось с 1830 г. по 1916 г.). Т. I, II.
14. Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 517.
15. Фруктов А.А. Кассационная практика // *Журнал Министерства Юстиции*. 1915. № 2. Петроград: Сенатская типография. С. 278–279.

составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии и с приложением законопроекта об авторском праве, одобренного Государственной Думой) / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.А. Саатчиан. Т. 2. СПб.: Законоведение, 1910. С. 128.

Об истоках дактилоскопии

*Шевелева Ксения Владимировна,
аспирант Московского технологического университета
Roxxy92@mail.ru*

В данной статье рассмотрены исторические аспекты возникновения и развития дактилоскопии, а также возможности использования папиллярных узоров концевых фаланг пальцев рук для практических целей криминалистики. Статья посвящена малоизученным аспектам начального этапа дактилоскопии как научного направления криминалистики. На основе изучения и обобщения ряда малоизвестных фактов автор показывает, что рисунки и узоры на руке с древнейших времен вызывали не только обывденный интерес человека, но и стали постепенно предметом научного анализа и практического использования.

Ключевые слова: дактилоскопия, криминалистика, история, диагностика, папиллярный узор.

On Dactyloscopy Origins

*Sheveleva Kseniya V.,
Postgraduate Student of the Moscow Technological University*

The article shows the historical aspect of the dactylography's creation and development. Besides that it shows the opportunity of using ridge patterns of the terminal phalangeal bones for practical purposes of criminology. The article shows understudied aspects of dactylography's beginning as a scientific field of criminology. Based on studying and assimilation of a number little-known facts, the author shows that since ancient times designs and patterns on the hand were causing not just only ordinary interest among human beings, but became eventually the subject of scientific analysis and practical use.

Key words: dactylography, criminology, historian, diagnostic, ridge pattern.

Дактилоскопия как одно из направлений криминалистической техники имеет глубокие исторические корни. «Дактилоскопия — это раздел трасологии, изучающий свойства и характеристики папиллярных узоров человека, преимущественно пальцев рук, средства и методы их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования в целях их криминалистической регистрации и идентификации человека по следам, обнаруженным на месте происшествия»¹. В настоящее время дактилоскопия имеет большое значение в криминалистике для розыска и учета лиц, совершивших преступление². Криминалистическое значение следов пальцев рук определяется не только строением и формой папиллярных узоров, но и свойствами индивидуальности, неизменности, восстанавливаемости. Данные свойства выявлялись путем долговременных и многочисленных экспериментов ученых, исследователей, однако впервые на них обратили внимание еще в доисторическую эпоху. В настоящей статье

сделана попытка осветить истоки зарождения дактилоскопии как раздела криминалистики, изучающей свойства и характеристики папиллярных узоров человека.

Узоры на руке интересовали человека еще с древнейших времен. В Древнем Китае, например, для рисования, задолго до того, как стали употреблять кисточку из волос животных и деревянный грифель (следовательно, раньше 300 лет до н. э.), был примитивный способ чертить и рисовать — «Chihua» — «рисование пальцем». Вследствие отсутствия письменных принадлежностей водили кончиками пальцев, окуная их в краску; при этом, соприкасаясь испачканными пальцами с плоскостью письма, получали непреднамеренно отпечатки пальцев. Невольно обращали внимание на узоры отпечатков пальцев и убедились в том, что каждый палец оставляет особый отпечаток со своим индивидуальным рисунком.

Свидетельством большого значения, которое придавали люди в древности папиллярным узорам, является найденное изображение человеческой руки на камне в области проживания индейцев Микмак, южнее Лабрадора на территории современной Канады, датированное II в. до н.э.³ Возможно, это один

¹ Белкин П.С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. М., 1993. С. 73.

² См.: Самищенко С.С., Козлов В.С. Современная дактилоскопия: проблемы и тенденции развития // Криминалистика. XXI век. М., 2001. Т. 1. С. 58–62.

³ Гейндль Роберт. Дактилоскопия и другие методы уголовной техники в деле расследования пре-

из самых древних рисунков, фиксирующий узоры и линии на человеческой руке.

В 1832 г. при раскопках кургана на острове Гавр-Инис (Франция) были найдены каменные плиты, на которых сохранились чертежи с изображением папиллярных узоров пальцев рук. Первоначально ученые видели в них символы друидов или буквы финикийского, кельтиберского, кельтского, этрусского алфавитов. Другие исследователи полагают, что данные линии отражают господствующий в прошлом культ змей, поскольку представляли собой змееобразно изгибающиеся кривые линии. И только в 1885 году Александр Бертран в статье в журнале «Magasin pittoresque» отметил сходство этих изображений с узорами на пальцах. В 1920 г. французский исследователь Стокис убедительно доказал, что изображения на скалах — это рисунки папиллярных узоров. Причем это была чрезвычайно разнообразная и довольно-таки полная коллекция изображений папиллярных линий человеческих ногтевых фаланг и ладоней⁴.

Как только человек проявил интерес к папиллярным линиям, они стали использоваться в различных сферах общественной жизни. Признаки знания человеком Древнего мира свойств пальцевых узоров ученые находят на многочисленных глиняных табличках (документах) Древней Ассирии и Вавилона (современный Ирак). На них рядом с именем автора имеется печать, с явно выраженным папиллярным узором, так называемая «surpurs». Значение данного слова переводчиками передается так: «отпечаток большого пальца... вместо его печати»⁵.

В Древнем Китае, возможно, больше знали об индивидуальности отпечатков пальцев и стали широко использовать их для целей идентификации.

Первый китайский автор, который упоминает об отпечатках пальцев, — «Huachi» как методе установления идентичности — был КиаКунгйен (около 650 г. н.э.). В дошедших до нас источниках он говорит об этом мимоходом, описывая деревянные таблицы, употреблявшиеся для письма до того времени. Когда заключался договор, говорит КиаКунгйен, каждый из контрагентов полу-

чал по таблице. Затем на них делали на соответствующих местах совершенно одинаковые зарубки, так что, приложив доски одна к другой, можно было бы всегда установить их тождественность. КиаКунгйен объясняет своим соотечественникам этот старый образ действий следующими словами: «Эти зарубки преследуют ту же цель, что теперь (т.е. в 650 году) отпечатки пальцев. Они преследуют цель защиты от подделок»⁶.

В Древней Японии были распространены печати, используемые для индивидуализации человека. На многих печатях при изготовлении ставились отпечатки пальцев, чтобы сделать печать более оригинальной и защитить от подделки⁷.

Имеющиеся факты показывают, что благодаря уникальным свойствам папиллярных узоров, они использовались в древности и в период Средневековья в качестве регистрации прав авторства. Так, китайский археолог ЛиуТьейин написал в Шанхае в 1904 г. книгу «Tieyiin tsang tao». Она содержит атлас древних китайских глиняных изделий (III–II вв. до н.э.). На одном из рисунков изображена скульптура, похожая на женщину, которая имеет на своей груди четкий отпечаток пальца. Позже оригинал скульптуры был обнаружен в Государственном музее в Шанхае⁸. Исследователи полагают, что отпечаток пальца на скульптуре не случайное явление. По всей вероятности его специально оставил собственник произведения искусства, тем самым легитимировав себя в качестве ее владельца.

Китайцы применяли отпечатки пальцев и при торговых сделках. На это указывает одно место в арабском сочинении «Relation des voyages». Арабский купец Сулейман, не раз совершавший путешествия по Китаю, рассказывает следующее: «Если китаец дает взаймы деньги, то он составляет об этом документ. Должник, со своей стороны, дает также расписку и снабжает бумагу отпечатком указательного и среднего пальцев. Затем кладут одну бумагу на другую таким образом, чтобы нижняя была несколько видна из-под верхней. Наконец, пишут поперек верхнего края бумаги несколько слов. Часть этой надписи находится на одном листе, другая часть на другом. Каждый получает лист, написанный второй стороной»⁹. Очевидно, что при таком подходе отпечатки пальцев и совпадающие

ступлений / пер. с нем. изд. В.В. Шпеера; под ред. проф. А.И. Крюкова. М.: Государственное техническое издательство, 1927. С. 14.

⁴ См.: Жабчинский М. Дактилоскопия (из практики применения) // Вестник полиции. 1910. № 3. С. 83–84.

⁵ Цит. по: Гейндль Роберт. Указ. соч. С. 17.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Там же. С. 49–50.

при наложении листов надписи свидетельствовали о подлинности документа.

Отпечатки руки применялись не только как способ идентификации личности в экономических сделках, но и в целях удостоверения различных политических документов. Так, широко известен отпечаток ладони пророка Мухаммеда на так называемом фирмане Мухаммеда — охранной грамоте, которую он дал христианскому монастырю Святой Екатерины на Синае в 620-е гг. н.э., скрепив его отпечатком собственной ладони. Своим отпечатком Мухаммед гарантировал монастырю неприкосновенность, свободу отправления в нем богослужений, а также предоставил синайским монахам налоговые льготы. В 1517 г., когда турецкий султан Селим I захватил Египет, и безопасность монастыря была под угрозой, монахи предъявили завоевателям фирман Мухаммеда. Султан затребовал документ в Стамбул, где поместил его в султанской сокровищнице, а монахам направил перевод фирмана на турецкий язык. Копия фирмана ныне выставлена в монастырской галерее икон¹⁰.

В России отпечатки пальцев также использовались людьми в разное время и в самых различных сферах. В частности, большое распространение получила практика закрепления оттисками пальцев договоров, соглашений и других нормативно-правовых актов верховной властью. Например, в 1648 г. в малороссийских землях, находившихся тогда под польским владычеством, вспыхнуло казачье восстание под водительством гетмана Запорожского войска Богдана Хмельницкого. Уже вскоре восстание превратилось в настоящую народно-правовую войну, так как за казаками пошло и малороссийское крестьянство. Однако вести войну с регулярной польской армией было тяжело и поэтому казаки Хмельницкого обратились за помощью к российскому царю. И вскоре, 8 января 1654 года, в древнем русском городе Переяславе состоялась Рада Запорожского войска, которая приняла решение о переходе Малороссии в подданство России. Данный документ был «скреплен» отпечатком пальца Б. Хмельницкого в целях показания верности российскому государю¹¹.

¹⁰ См.: Дактилоскопия. Знаки руки / Бастрыкин А.И. СПб.: Ореол, 2004. С. 18–20.

¹¹ См.: Перевезенцев С. Малороссия. Переяславская Рада, 1654 г.: свидетельство и документы. Ч. 1. URL: <http://rusimperiaunionmalorossia.blogspot.ru/p/blog-page.html> (дата обращения: 29.04.2016).

Наконец, в древности папиллярные линии на человеческой руке служили людям в качестве фактологической базы для предсказаний человеческой судьбы. В частности, японские хироманты называли осязательные сосочки на ладонной поверхности кончиков пальцев «Напон» и по форме завитков считали, что чем правильнее они, тем счастливее их обладатель. Отсюда предсказатели делали выводы о будущем человека¹².

Подобным образом предсказывалась судьба человека в античных государствах. Более того, физиогномисты¹³ в Древней Греции и Древнем Риме очень усердно изучали роль, которую рука и пальцы играют в искусстве предсказания. До нас дошло изречение великого философа Аристотеля (384–322 гг. до н.э.): «линии на человеческой руке начертаны не без причины; они происходят из божественного влияния и собственной человеческой индивидуальности», которое он излагает в своей работе по хиромантии¹⁴.

Широкое использование оттисков пальцев рук в повседневной жизни привело человечество к мысли о необходимости их систематизации и классификации. Так, в Древнем Китае впервые установили два типа узоров сосочковых линий: вихревой завиток, по-китайски Тоу или Ло — улитка, и завиток петлевой, по-китайски Ки — дословно «сито». Ло (tou) обозначает «счастье», Ки обозначает «противное»¹⁵.

Первым европейцем, который заинтересовался видами папиллярных линий и стал их изучать, стал профессор анатомии Университета Болоньи Марселло Мальпиги. В своем сочинении (1686 г.) он довольно подробно описал линии на ладонной поверхности руки. Но только в 1823 г. профессор из Университета города Бреслау (ныне Вроцлав) Иоганн Пуркинье опубликовал тезисы о возможности классификации папиллярных узоров, основываясь на девяти различных типах узоров. И хотя предложенная им схема не нашла в то вре-

¹² См.: История хиромантии. URL: <http://handmap.ru/> (дата обращения: 05.05.2016).

¹³ Физиогномика — учение о существовании взаимосвязи между внешним обликом человека и его характером (прим. авт.).

¹⁴ См.: История хиромантии. URL: <https://handmap.ru/> (дата обращения: 05.05.2016).

¹⁵ См.: Исютин-Федотов Д.В. Криминалистическая дерматоглифика (история, современность, перспективы развития: монография / под общ. ред. Д.В. Исютин-Федотова. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 76.

мя должного отклика, это была первая попытка целостной и научной классификации¹⁶.

Таким образом, исторический анализ подводит к выводу о тождестве использования и понимания «предназначения» пальцевых узоров многими народами планеты в период становления человечества.

Обобщая вышенаписанное, отметим, что использование людьми отпечатков пальцев и ладоней рук для идентификации личности в процессе общественной жизни стали источником зарождения будущей дактилоскопии. Широкое применение отпечатков части руки при торговых операциях, оформлении договоров купли-продажи, займа, для скрепления государственных и других нормативно-правовых актов, а также в целях предсказания будущей жизни, в конечном счете привели мыслителей к выводу об индивидуальных свойствах узоров и рисунков на ладонях рук и пальцах человека. Первые их описания, сделанные в Азии и Европе, попытка их систематизации и классификации стали отправной точкой, начальным этапом дактилоскопии как научного направления криминалистики.

¹⁶ См.: Гарафутдинова Ф.М. Истоки дактилоскопии // Публичное и частное право. 2014. № 2. С. 173–175.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. М., 1993. 290 с.
2. Гарафутдинова Ф.М. Истоки дактилоскопии // Публичное и частное право. 2014. № 2. С. 173–175.
3. Гейндль Роберт. Дактилоскопия и другие методы уголовной техники в деле расследования преступлений / пер. со второго нем. изд. В.В. Шпелера; под ред. проф. А.И. Крюкова. М.: Государственное техническое издательство, 1927. 523 с.
4. Дактилоскопия. Знаки руки / Бастрькин А.И. СПб.: Ореол, 2004. 186 с.
5. Жабчинский М. Дактилоскопия (из практики применения) // Вестник полиции, 1910. № 3. С. 79–85.
6. Исютин-Федотков Д.В. Криминалистическая дерматоглифика (история, современность, перспективы развития): монография / под общ. ред. Д.В. Исютина-Федотова. М.: Юрлитинформ, 2011. 348 с.
7. Самищенко С.С., Козлов В.С. Современная дактилоскопия: проблемы и тенденции развития // Криминалистика. XXI век. М., 2001. Т. 1.
8. Торвальд Ю. Век криминалистики. М.: Прогресс, 1975.
9. URL: <http://rusimperiaunionmalorossia.blogspot.ru/p/blog-page.html>
10. URL: <http://handmap.ru>

Деятельность детских приемников-распределителей в годы Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект

*Блинова Вера Владиславовна,
доцент кафедры истории государства и права
Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина,
кандидат исторических наук
blinova.vera2010@yandex.ru*

Проблема детской беспризорности и безнадзорности, предупреждения преступности несовершеннолетних является актуальной для современного развития России. Важным подразделением в структуре органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны, организующим работу по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, являлись детские приемники-распределители (далее — ДПР). Деятельность детских приемников-распределителей и других учреждений в годы войны представляет значительный интерес для науки, а также по-прежнему остается малоизученной.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, беспризорность, безнадзорность, преступность несовершеннолетних, детский приемник-распределитель (ДПР).

Activity of Children Reception Centers in the Great Patriotic War Years: Historical Legal Aspect

Blinova Vera V.,

*Assistant Professor of the Department of History of State and Law
of the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin University (MSAL),*

Candidate of Historical Sciences

The problem of child homelessness and neglect and of prevention of juvenile delinquency is essential for contemporary development of Russia. The important structural subdivision of law enforcement agencies during the Great Patriotic War, organizing the work to fight child homelessness and neglect, were remand houses (RH). The activity of RH and other institutions is of great interest for scientific research and it remains underinvestigated.

Key words: the Great Patriotic War, homelessness, child neglect, juvenile delinquency, remand houses.

Проблема детской беспризорности и безнадзорности несет в себе угрозу не только для настоящего, но и для будущего общества. В настоящее время в новых социальных условиях тема детской беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних разрабатывается достаточно глубоко¹. Данное социальное явление способствует дестабилизации общественного развития, росту преступности несовершеннолетних, а также оказывает негативные последствия на дальнейшей жизни этих детей. На наш взгляд, одной из главных задач государства и общества является предупреждение детской беспризорности и безнадзорности. Исторический опыт решения этой проблемы в годы Великой Отечественной войны свидетельствует, что в сложных условиях удалось снизить количество беспризорных и безнадзорных детей и подростков за счет совместной работы правоохранительных органов, органов здравоохранения и образования, общественных организаций.

Одним из важных подразделений в структуре органов внутренних дел, которые осуществляли борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны, были детские приемники-распределители. С первых дней войны и до мая 1943 г. связь с родителями по-

теряли 190 тыс. детей². В 1941 г. в составе паспортного отдела Главного управления милиции НКВД СССР создано ЦСБ (Центральное справочное бюро) по учету эвакуированных для оказания помощи людям, разлученным войной, в поисках друг друга. Во второй половине 1941 г. ЦСБ эвакуировали из Москвы в г. Бугуруслан Чкаловской области, где оно находилось по адресу: ул. Комсомольская, д. 6. Возглавил ЦСБ полковник милиции С.И. Аксенов, его заместителем назначен Т.К. Стеблый³. В составе бюро работал детский справочный отдел, а во всех управлениях милиции — справочные отделы по розыску детей, в которых регистрировались все дети, находившиеся в приемниках-распределителях, а также направленные ими на производство, в детские учреждения, на патронат.

Огромное значение в борьбе с детской беспризорностью имело постановление Совнаркома СССР № 75, принятое 23 января 1942 г., «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». В соответствии с постановлением в конце января — начале февраля 1942 г. образованы областные, краевые и республиканские комиссии (начиная с общесоюзной во главе с заместителем председателя СНК СССР А.Н. Косыгиным), которые должны были заниматься этим вопросом. Комиссии возглавлялись одним из заместителей председателя исполкома области, края, а в республиках — одним из заместителей председателя Совнаркома. В их состав входили руководители местных отделов народного образования, здравоохранения, милиции, представители партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Одновременно создавались городские и районные комиссии

¹ Смирнова Н.В. Детские приемники-распределители — важнейшее звено в системе борьбы с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних // История государства и права. 2008. № 20; Егорькова И.А. Динамика законодательства, регламентирующего борьбу с преступностью несовершеннолетних в 1918–1935 гг. // История государства и права. 2010. № 16; Новик В.И. Становление и организация органов предупреждения беспризорности и преступности несовершеннолетних в дореволюционной России и СССР // История государства и права. 2011. № 15; Жилыева С.К. К вопросу о состоянии беспризорности несовершеннолетних в современной России // История государства и права. 2012. № 5; и др.

² Герман Р.Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.). Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2000. С. 68.

³ Коллекция документов музея УВД Оренбургской области // Чкаловская коммуна. 1944. 29 апр.

по устройству детей. Положение о комиссиях, утвержденное в апреле 1943 г., определяло следующие их функции:

— объединение и согласование деятельности органов НКП, НКЗ, НКВД и общественных организаций по устройству детей, оставшихся без родителей и нуждающихся в помощи;

— разработка мероприятий по предупреждению и борьбе с беспризорностью и безнадзорностью (трудоустройство, патронирование, опека, усыновление, разрывание внешкольной работы, устройство детей в детские дома), а также контроль над их выполнением. Планы данных мероприятий утверждались совнаркомом АССР или исполкомами советов;

— организация через общественный актив массовой разъяснительной работы по предупреждению беспризорности, безнадзорности и охране прав несовершеннолетних. Комиссии были обязаны отчитываться в своей деятельности перед совнаркомом АССР или исполкомами местных советов.

Всего в стране существовало несколько тысяч таких комиссий⁴. Например, в Чкаловской области была создана боевая тройка, в которую вошли Цирильсон (от ГК ВЛКСМ), Яремчук (от политотдела второго отделения железной дороги), Коялович (от областного управления милиции). По решению боевой тройки организовывали посты по наблюдению и обходу мест скопления подростков⁵.

На основе вышеназванного постановления во всех крупных населенных пунктах и на железнодорожных станциях организовывались детские приемники-распределители, которые подчинялись Управлениям исправительно-трудовых лагерей и колоний УНКВД областей. Целями деятельности ДПР являлись профилактика и внесение планоности в борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью. Таким образом, на детские приемники-распределители возлагались следующие задачи:

— выявление причин беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних и принятие мер к их устранению;

— выявление лиц, толкающих детей на путь беспризорности и безнадзорности, и привлечение таковых к ответственности через органы прокуратуры и милиции;

— принятие мер к розыску родственников или лиц, их заменяющих;

— восстановление связей детей с их семьями и создание условий для возвращения в семьи;

— всестороннее изучение детей с целью их правильного дальнейшего устройства;

— проведение воспитательной работы и привитие санитарно-гигиенических и культурно-бытовых навыков;

— учет проходящего контингента детей.

Руководство ДПР возлагалось на начальника, который подчинялся непосредственно тому отделу НКВД/УНКВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. ДПР являлись юридическим лицом, имели штамп и гербовую печать.

Приемники-распределители обеспечивали прием беспризорных детей от 3 до 16 лет. ДПР принимали меры по розыску родителей или ближайших родственников и оказывали помощь детям для возвращения к родителям или опекунам. В случае отсутствия родителей — в приемные семьи. Во время содержания в ДПР (не более двух недель) дети распределялись по группам до 25 человек по возрастным ограничениям. Однако данное требование не всегда выполнялось, так как в годы войны в ДПР доставлялось большое количество детей и подростков. Дети в возрасте до трех лет включительно через местные органы здравоохранения направлялись в детские учреждения Народного комиссариата здравоохранения; дети, у которых не были найдены опекуны, направлялись в детские дома (от 3 до 14 лет); на работу в промышленность и сельское хозяйство, на транспорт, на учебу в фабрично-заводские школы, ремесленные и железнодорожные училища по рекомендациям бюро по учету и расходованию рабочей силы (старше 14 лет). Подростки 11–16 лет без определенного места жительства, задержанные за мелкие уголовные преступления, направлялись под конвоем в воспитательно-трудовые колонии (ВТК) НКВД. В них они содержались до достижения 16 лет⁶. Также предусматривалось, что дети-инвалиды передавались в специальные дома Наркомбеса по путевкам отделов социального обеспечения; дети, которые болели заразными болезнями или нуждались в стационарном лечении, вывозились в лечебные учреждения НКЗ. Стоит отметить, что заключения о направлении детей к родителям,

⁴ Синицын А.М. Забота о беспризорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 21; Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Просвещение, 1974. С. 353–354.

⁵ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНПО). Ф. 1697. Оп. 1. Д. 698. Л. 47.

⁶ Министерство внутренних дел. 1802–2002. Исторический очерк. М.: Объединенная редакция МВД России, 2004. С. 336.

Таблица 1

Движение детей и подростков через ДПР с 1942 по 1945 годы*

Год	Прибыло	В том числе сирот	Выбыло:	К родителям	В детские дома	На трудовое устройство	В РУ, ЖУ	В ТВК	В другие учреждения
1942	130 290	89 347	121 835	160 063	75 629	13 718	-	-	-
1943	204 578	164 198	201 390	39 893	81 419	37 009	26 542	4 624	7 973
1944	341 134	179 063	342 947	63 254	11 2641	48 688	50 441	25 140	25 387
1945	296 432	137 842	285 024	66 650	94 223	49 706	27 988	23 066	23 391

* Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 519. Л. 5.

в детские учреждения, в РУ, ЖУ, школы ФЗО или о трудоустройстве составлялись на основании характеристики воспитателя и врача, утверждаемой начальником ДПР.

Воспитанники, которые нарушали режим и правила внутреннего распорядка, подвергались следующим мерам воздействия: замечание, выговор, строгий выговор, помещение в штрафную комнату сроком до трех дней.

Из приемников-распределителей подростки также направлялись в трудовые воспитательные колонии. Начальник ДПР должен был на основании справок о приводах в милицию, о побегах из детдома или с места жительства составить заключение о направлении в ТВК, оно утверждалось начальником областного или краевого УНКВД или наркомом внутренних дел автономной республики. Отправляли воспитанников группами не более трех человек в сопровождении сотрудника ДПР. На подростков, отбывающих в трудовые воспитательные колонии, документы оформлялись в соответствии с Инструкцией НКВД СССР, НКЮ СССР и Прокуратуры СССР за № 326/52/45 от 21 июня 1943 г. Также оформлялись акты медицинского освидетельствования о возможности содержания в трудовой воспитательной колонии НКВД по состоянию здоровья. Эвакуатор ДПР, который доставлял несовершеннолетнего, получал от ответственного лица соответствующего учреждения расписку о приеме ребенка, заверенную печатью.

Динамику движения детей и подростков через детские приемники-распределители можно проследить в представленной таблице 1.

Как видно из таблицы, наибольшее количество беспризорных и безнадзорных поступило в приемники-распределители в 1944 г. Среди детей и подростков имелось значитель-

ное количество сирот, которые не были своевременно устроены в детские учреждения, на патронирование, попечительство, опеку.

До середины 1943 г. в системе НКВД не было специального органа, координирующего ликвидацию детской беспризорности и безнадзорности. На основании постановления СНК СССР № 659 от 15 июня 1943 г. и приказа НКВД № 0246 от 21 июня 1943 г. был создан Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (далее — ОБДББ). Руководство деятельностью ОБДББ СССР в 1943–1950 гг. осуществлял комиссар государственной безопасности Ф.М. Леонюк. В декабре 1950 г. данный отдел переименовали в Отдел детских колоний МВД СССР⁷. Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью осуществлял деятельность в составе 7 отделений и имел следующие функции:

- руководство трудовыми колониями и трудовыми воспитательными колониями, детскими приемниками-распределителями;
- разработка и проведение мероприятий по ликвидации беспризорности и безнадзорности;
- организация учебно-воспитательной работы, трудового обучения и производственной деятельности в ДПР и детских колониях;
- трудоустройство несовершеннолетних, попавших в ДПР, окончивших воспитательный срок в колониях.

Таким образом, создание ОБДБ означало централизацию управления деятельностью, которая была связана с борьбой с детской беспризорностью и безнадзорностью.

Деятельность приемников-распределителей играла особую роль в тыловых районах страны, так как обеспечивала достаточно стабильную обстановку в стране. Так, на

⁷ ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

территории Южного Урала в период Великой Отечественной войны действовали 16 ДПР. Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в Чкаловской области приступил к работе в августе 1943 г. В его составе организовали 4 детских приемника-распределителя, расположенных на территории области. Общая емкость детприемников составляла 260 человек, в том числе Чкаловского — 100 человек, Бузулукского — 55, Бугурусланского — 55, Орского — 50⁸.

В Курганской области работало 3 детприемника с общей емкостью 110 человек: в Кургане — на 50 мест, в Шадринске — на 30, в Лебяжье — на 30 мест⁹. Лебяжьеvский ДПР открыт в январе 1944 г., располагался в деревне, в 7 км от районного центра и железнодорожной станции. Вследствие оторванности от центра в течение 1944–1945 гг. через ДПР проходило всего 9 человек в месяц. В 1945 г. в Курганской области планировали открыть еще один детский приемник на станции Мишкино, между городами Курганом и Челябинском. Однако в связи с сокращением передвижения детей после окончания войны необходимость в открытии нового приемника отпала¹⁰. В Башкирии функционировало 3 приемника-распределителя с общей емкостью 280 человек: Уфимский — на 130, Стерлитамакский — на 75 и Белебеевский — на 75 мест¹¹. Самое большое количество детприемников на Южном Урале насчитывалось в Челябинской области с общей емкостью на 370 человек (Челябинский — на 150 человек, Златоустовский — на 50, Троицкий — на 70, Магнитогорский — на 100), что связано с большим потоком беспризорных детей¹². В 1944 г. в связи с увеличением числа беспризорных и безнадзорных детей в Челябинской области управление НКВД поставило вопрос о расширении сети ДПР. В итоге к имеющимся четырем приемникам прибавилось еще два — Катав-Ивановский и Кыштым-

ский. Однако уже к середине 1945 г. поставлен вопрос о реорганизации этих двух ДПР, так как с окончанием войны произошло сокращение численности беспризорных и безнадзорных детей¹³.

Таким образом, детские приемники-распределители в годы Великой Отечественной войны внесли существенный вклад в борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью. После окончания войны был принят приказ НКВД СССР № 274 от 26 июня 1945 г., который утвердил новое Положение о детских приемниках-распределителях. В данном документе учитывался опыт деятельности ДПР в годы Великой Отечественной войны.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9412. Отдел детских трудовых и воспитательных колоний МВД СССР.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1014. Исполнительный комитет Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся (облисполком).
3. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-485. Челябинский обком ВЛКСМ.
4. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАООРБ). Ф. 122. Башкирский обком КПСС.
5. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 1697. Чкаловский обком ВЛКСМ.
6. Герман Р.Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.) / Р.Б. Герман. Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 2000. 164 с.
7. Егорькова И.А. Динамика законодательства, регламентирующего борьбу с преступностью несовершеннолетних в 1918–1935 гг. / И.А. Егорькова // История государства и права. 2010. № 16. С. 33–34.
8. Жилаева С.К. К вопросу о состоянии беспризорности несовершеннолетних в современной России / С.К. Жилаева // История государства и права. 2012. № 5. С. 22–25.
9. История культуры Южного Зауралья: в 2 т. / отв. ред. В.В. Подливалов. Курган: КГУ, 2004. Т. 2. 392 с.
10. Новик В.И. Становление и организация органов предупреждения беспризорности и преступности несовершеннолетних в дореволюционной России и СССР / В.И. Новик // История государства и права. 2011. № 15. С. 36–38.
11. Сеницын А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны / А.М. Сеницын // Вопросы истории. 1969. № 6.
12. Смирнова Н.В. Детские приемники-распределители — важнейшее звено в системе борьбы с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних / Н.В. Смирнова // История государства и права. 2008. № 20.
13. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 46.

⁸ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 156-3. Л. 644; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 75. Л. 224.

⁹ История культуры Южного Зауралья: в 2 т. / отв. ред. В.В. Подливалов. Курган: КГУ, 2004. Т. 2. С. 160–161.; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 75. Л. 219 об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 236–237.

¹¹ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАООРБ). Ф. 122. Оп. 24. Д. 44 а. Л. 296, 521 об.; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 75. Л. 215.

¹² Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-485. Оп. 1. Д. 997. Л. 58; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 75. Л. 233 об.

Роль Русской православной церкви в исправлении осужденных к лишению свободы: исторический аспект

*Калуцких Анна Михайловна,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западного государственного университета
a.m.kalutskikh@inbox.ru*

В данной статье автором рассматривается один из важнейших аспектов взаимодействия церкви и государства — морально-нравственное воспитание лиц, находящихся, в частности, в местах лишения свободы. Раскрывается сущность и значение участия священнослужителей в жизни лиц, отбывающих наказание. Исследуются формы и методы деятельности духовенства в рамках пенитенциарной системы Российского государства. Прослеживается процесс зарождения, становления и развития института тюремных священников.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, пенитенциарная система, тюрьма, духовно-нравственное наставление, тюремное служение, тюремная миссия, благотворительность, тюремное духовенство.*

Role of the Russian Orthodox Church in Correction of Persons Convicted to be Deprived from Freedom: Historical Aspect

*Kalutskikh Anna M.,
Lecturer of the Department of Criminal Proceedings and Criminalistics
of the Southwest State University*

In this article prerequisite one of the most important aspects of cooperation the orthodox church and state. It's a moral prisoner's education. Reveals an essential and an importance orthodox priest's participation of prisoner's life. Explore forms and methods of priesthood's activity within Russian penal system. The origination process, establishment and further progress of the prison priest's institute is given.

Key words: *Russian orthodox church, penal system, prison, moral prisoner's education, prison serve the Lord, prison mission, charitable activity, prison priest.*

Исполнение приговора — понятие емкое: оно может означать и исправительно-трудовую деятельность различных учреждений, организаций, и уголовно-процессуальную деятельность судебных органов¹. Именно на данном этапе уголовного судопроизводства права и свободы человека и гражданина затрагиваются в наибольшей степени². При этом исправление осужденных — одна из важнейших задач правосудия. Однако недостаточно лишить человека свободы, необходимо добиться осознания им своих поступков и раскаяния в совершенном преступном деянии³. В связи

с этим со времен крещения Руси и до настоящего времени активно практикуется привлечение духовенства к духовно-нравственному воспитанию и исправлению лиц, находящихся в местах лишения свободы. Данное взаимодействие не случайно, поскольку история России немаловажна без взаимовлияния церкви и государства.

«Мрачная обстановка, угнетающий вид тюремных помещений и сама необходимость общения с заключенными тяготят воображение человека, который никогда не сталкивался с христианским служением в тюрьмах», — отмечается в литературе⁴. Забота о слабых, немощных и больных — нечуждое для России явление. Так же, как и облегчение страданий заключенного для христианской церкви. И если изначально «благое дело» было для духовенства добровольным, то в после-

¹ Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. Воронеж: Издательство Воронежского университета. 1980. С. 183.

² Конин В.В. Стадия исполнения приговора — УПК или УИК? // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122). С. 187.

³ Козявин А.А. Уголовная юстиция и диалектика морали // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 2.

⁴ Тюремное служение Русской православной церкви / под ред. О. Скомороха, Н.В. Пономаревой. М., 2009. С. 12.

дующем превратилось в одну из важнейших обязанностей.

История России знает несколько форм деятельности религиозных объединений в рамках пенитенциарной системы: церковные суды, духовно-нравственное увещание, монастырская ссылка, служение в тюремных храмах, сопровождение к месту казни.

Церковные суды существовали на Руси еще со времен Русской правды. К их компетенции относились все явления частной жизни, так или иначе связанные с нравственностью и церковью⁵. При этом, как отмечают П.И. Гайденко и В.Г. Филиппов, лишь немногие рассмотрения дел можно назвать «судами». Остальные известные авторы лишь условно называют таковыми в связи с тем, что при вынесении своего решения епископ или митрополит должен был провести полноценное судебное разбирательство⁶. Кроме того, можно говорить об относительной самостоятельности церковного суда по отношению к княжескому суду, а также влиянию князя на решение данного органа. Так, глава государства высказывал свое особое мнение по поводу объективности суда, утверждал приговоры, предполагающие в качестве наказания экзекуцию, одобрял или не одобрял жестокое наказание в отношении осужденного. Как правило, епископы и митрополит не перечили князю. Следовательно, его мнение в значительной степени влияло на решение церковного суда, поэтому самостоятельность церковного суда как органа правосудия представляется весьма спорной. Однако в соответствии с Соборным уложением 1649 года под преступлением подразумевалось нарушение царского приказа, а также Божьей заповеди. Таким образом, духовно-нравственная сфера официально стала регулироваться не только церковью, но и государством.

Говоря о духовно-нравственном исправлении заключенных, нельзя не отметить, что еще на Руси существовали специфические пенитенциарные учреждения — монастырские тюрьмы. Монастырская ссылка применялась не только для изоляции священнослужителей, но и мирян. Так, священник мог заключаться в такую тюрьму за совершение наиболее тяжких преступлений против ве-

ры, коими считались порочное поведение, требование оплаты за пострижение в монахи, участие в расколе и прочие. К светским лицам данную меру наказания применяли за совершения преступного деяния в семейной и наследственной сфере: например, за многоженство или рождение внебрачного (незаконного) ребенка. Особо следует отметить незаконный постриг в монашество. Большое распространение получило пострижение родителями собственных детей, мужьями — жен.

Следует отметить, что представляется возможным проследить не только лишь карательную роль церкви. Первые русские князья, как отмечает И.В. Хорошко, видели в преступниках людей оступившихся и, следовательно, проявляли к ним милосердие и заботились о спасении их душ⁷. Более того, нередко были ходатайства епископов об освобождении осужденных от казни⁸. В то же время в отношении смертников у православного духовенства существовала одна из наиболее сложных обязанностей: перед совершением казни священник должен был провести духовную беседу с осужденным, после чего исповедовать и причастить его, сопроводить к месту исполнения приговора, возле эшафота обязан был всячески поддерживать и утешать.

Тюрьмы в современном значении этого слова появились лишь с принятием Судебников 1497 и 1550 гг., где была закреплена возможность временного или пожизненного заключения лица. Условия содержания заключенных того времени не были гуманными: ни едой, ни пищей так называемые колодники не обеспечивались. Только родственники снабжали узников чем могли, а те, у кого родных не было, «ходили поочередно, со сторожами, по торгам и дворам за милостыней и ею довольствовались»⁹. Так, князь Вяземский в 1767 г. в своем донесении указал: «...в некоторых казармах теснота превеликая, продовольствие арестантов не обеспечено. Тюремные сидельцы умирали без исповеди и причастия, настояние правительства

⁵ Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под ред. О.И. Чистякова. М., 1991. С. 103.

⁶ Гайденко П.И. Церковные суды в Древней Руси (XI — середина XIII веков): несколько наблюдений / П.И. Гайденко, В.Г. Филиппов // Вестник Челябинского государственного университета: история. Вып. 45. 2011. № 12 (227). С. 108.

⁷ Хорошко И.В. Становление, развитие и современное состояние деятельности Русской православной церкви в местах лишения свободы // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)». 2014. С. 91.

⁸ Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула: Автограф, 2000. С. 88.

⁹ Тюремное служение Русской православной церкви. М., 2009. С. 51.

перед духовенством о посещении их оставались без последствий, так как духовенство, поддерживаемое Синодом, требовало жалованья. А дать было не из чего»¹⁰.

Следует отметить, что люди охотно подавали милостыню колоднику, веря, что тем самым им на том свете отпустят часть грехов. Также историки утверждают, что существовала практика посещения заключенных не только мирянами, но и царем. Примером того являлся праздник Пасхи. Ежегодно в праздник Святого Воскресения к узникам приходили представители всех сословий, приносили заключенным угощения, а также просили молиться о себе, так как верили, что страждущий человек ближе к Богу. От царского имени узники в тот день получали не только поздравления, но и угощения, одежду. Н.А. Белова особо выделяет святителя Тихона Задонского, который так же, как и его предшественники, на Пасху и Рождество рассылал деньги заключенным в остроги и нередко посещал их с духовными беседами¹¹. Священники приходили к узникам либо по их желанию для духовной беседы, либо в случае болезни для исповеди и напутствия, и лишь Екатерина II впервые высказала мысль о возможности с помощью веры исправить осужденных. Однако лишь в царствование Александра I с установлением в 1816 г. Человеколюбивого общества данная идея стала реализовываться на практике.

Значение священнослужителей для заключенных было велико, так как на фоне равнодушия администрации и персонала тюрьмы или иного места заключения представитель духовенства, равно как и врач, был фактически единственным лицом, к которому узник мог обратиться с просьбой, в том числе и материального характера, так как именно на церкви лежало бремя по обустройству быта и повседневной жизни заключенных. Заключенные же охотно открывали священнику свою душу, так как были уверены в соблюдении тайны исповеди¹².

Однако основной задачей священника в духовной беседе с заключенным явля-

лось утешение узника, а также его ободрение: разъяснялось, что покаяние, признание вины и перенесенные страдания тюремного заключения помогут очищению души виновного. Часто подобные наставления выходили за пределы веры и касались житейских вопросов¹³. Заключенные могли попросить совета у духовника, а также исповедоваться. В свою очередь священник обязан был как можно ближе познакомиться с заключенным, его образом жизни и семейным положением. Нередко священнослужитель прилагал усилия к восстановлению семейных связей, потерянных в связи с заключением. Также духовник уделял особое внимание лицам, подвергавшимся дисциплинарным взысканиям, с целью добиться их смирения. Заключенным разъяснялось, что посредством беседы со священником невозможно получить льготы или какую-либо выгоду от администрации тюрьмы. При этом общение со священником не было обязанностью заключенного: лица, равнодушно или негативно относящиеся к вере, могли отказаться от наставления. Особой миссией тюремного священника являлось посещение больных узников, их утешение, а также христианское напутствие умирающих заключенных¹⁴.

Со временем потребность в духовном наставлении и сопровождении заключенных возросла и появилась необходимость дальнейшего внедрения церковных традиций в тюремный быт. Следует отметить, что существовали критерии для тюремных храмов. Так, данное помещение должно было иметь две входных двери, одна из которых предназначалась для заключенных, другая — для иных лиц, к которым относились служащие мест заключения, а также члены их семей, получившие именные разрешения от начальника тюрьмы на разовое или постоянное посещение церкви. Также неотъемлемой частью являлись барьеры или решетки, отделяющие место размещения арестантов от остальных прихожан. Данная мера являлась превентивной, препятствующей разговорам мирян с заключенными, возможным передачам запрещенных предметов, а также возможному побегу из места лишения свободы.

Касаемо обучения заключенных, особое внимание уделялось организации тюремных школ и библиотек. С появлением специализированных учреждений для несовершенно-

¹⁰ Белова Н.А. Русская православная церковь и тюремные учреждения: традиции взаимоотношений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Вологда: Издательство Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2011. № 15. С. 77.

¹¹ Там же.

¹² Молодов О.Б. Русская православная церковь и уголовно-исполнительная система: истоки сотрудничества: учебное пособие. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2006. 95 с.

¹³ Фридман Е.Ф. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1894. С. 69.

¹⁴ Тюремное служение Русской православной церкви. С. 76.

летних преступников школы получили свое распространение¹⁵. Так, правилами, утвержденными МВД в 1887 году, предписывалось обучать заключенных не только Божьему слову, но и грамоте, чистописанию, основам арифметики и иным предметам¹⁶. Помимо занятий в привычном значении этого слова, священники обязаны были проводить чтения на духовно-нравственные темы.

Расцвет пастырского служения в 1917 году сменился упразднением и полным забвением института тюремного духовенства. «В первые десятилетия советской власти в камерах тюрем и в бараках лагерей особого и неособого назначения литургия совершалась тайно от начальства»¹⁷. «...Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше», — говорилось в письме Ленина от 19 марта 1922 года¹⁸. 20-е годы XX века стали лишь началом «истребления» религии, которые длились целых 70 лет. Кульминацией таковых гонений можно считать сталинское время. В период репрессий тюремные храмы были превращены в камеры для содержания заключенных священников, а также в места их пыток и казней. По данным, которые приводит Е.Н. Емельянов, в России к 1939 году из 60 000 действующих храмов осталось лишь 100¹⁹.

В период Великой Отечественной войны гонения были прекращены, но следом за массовым освобождением священников в 1955–1957 годах последовала новая череда арестов.

Возрождение религиозно-нравственного воспитания заключенных произошло лишь в 90-х годах XX века. Г. Каледа утверждает: «Зачинателем духовно-церковного окормле-

ния мест заключения оказался Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, который в 1990 г. посетил колонию строгого режима в Металлострое. Вскоре он был избран Святейшим патриархом Московским и всея Руси Алексеем II и продолжает поддерживать с этой колонией духовные отношения»²⁰. С того времени начался второй виток отечественной истории пастырского служения в местах лишения свободы: возрождены тюремные храмы, школы и библиотеки, регулярно проводятся круглые столы по вопросам пастырского служения в пенитенциарных учреждениях²¹, между Федеральной службой исполнения наказаний России и Русской православной церковью заключен ряд принципиальных соглашений, закрепляющих сотрудничество в сфере духовно-нравственного исправления и воспитания заключенных.

Тюремная миссия Русской православной церкви представляет собой перспективное направление деятельности, так как «...труд этот нескончаем, потому что на смену освободившихся заключенных приходят новые. Тюрьма не бывает пуста и трудом тюремного священника не бывает конца»²².

Литература

1. Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, А.Д. Кокорев. Воронеж: Издательство Воронежского университета. 1980. 252 с.
2. Белова Н.А. Русская православная церковь и тюремные учреждения: традиции взаимоотношений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Вологда: Издательство Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2011. № 15. С. 75–81.
3. Воронцова О.М. Организация нравственного воспитания несовершеннолетних правонарушителей в местах лишения свободы, основанного на идеях православной этики // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. С. 11–13.
4. Гайденко П.И. Церковные суды в Древней Руси (XI — середина XIII века): несколько наблюдений / П.И. Гайденко, В.Г. Филиппов // Вестник Челябинского государственного университета: история. Вып. 45. 2011. № 12 (227). С. 106–116.
5. Горбунов В.А. Методы воспитания человека-любия у несовершеннолетних правонарушителей в

¹⁵ Горбунов В.А. Методы воспитания человека-любия у несовершеннолетних правонарушителей в тюрьмах и приютах г. Казани в XIX в. // История государства и права. 2005. № 5. С. 38.

¹⁶ Воронцова О.М. Организация нравственного воспитания несовершеннолетних правонарушителей в местах лишения свободы, основанного на идеях православной этики // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. С. 11.

¹⁷ Каледа Г. Остановитесь на путях ваших. Записки тюремного священника. М., 2009. С. 30.

¹⁸ Емельянов Н.Е. Гонения на Русскую православную церковь в XX веке. URL: <http://vichuga-vosk.cerkov.ru/2014/02/02/goneniya-na-cerkov/>

¹⁹ Там же.

²⁰ Каледа Г. Остановитесь на путях ваших. Записки тюремного священника. С. 48.

²¹ URL: <http://fsin.su/search/?q=%F2%FE%F0%E5%EC%ED%EE%E5+%F1%EB%F3%E6%E5%ED%E8%E5>

²² Тюремное служение Русской православной церкви. С. 51.

- тюрьмах и приютах г. Казани в XIX в. // История государства и права. 2005. № 5. С. 38–41.
6. Емельянов Н.Е. Гонения на Русскую православную церковь в XX веке. URL: <http://vichuga-voskr.cerkov.ru/2014/02/02/goneniya-na-cerkov/>
  7. Каледа Г. Остановитесь на путях ваших. Записки тюремного священника. М., 2009. 144 с.
  8. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула: Автограф, 2000. 271 с.
  9. Козявин А.А. Уголовная юстиция и диалектика морали // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 2–5.
  10. Конин В.В. Стадия исполнения приговора — УПК или УИК? // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122). С. 187–192.
  11. Молодов О.Б. Русская православная церковь и уголовно-исполнительная система: истоки сотрудничества: учебное пособие. Вологда: ВИПЭ ФСИН России. 2006. 95 с.
  12. Орехов В. Свет Храма приходит в «зону» // Преступление и наказание. 1997. № 9. С. 20–24.
  13. Петренко Н.И. Влияние общества попечительного о тюрьмах на отечественную пенитенциарную систему в первой половине XIX века / Н.И. Петренко, И.А. Никифорова // Пробелы в российском законодательстве: юридический журнал. 2011. № 4. С. 200–203.
  14. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под ред. О.И. Чистякова. М., 1991. 432 с.
  15. Тихомиров Е.В. Участие православного духовенства в деятельности Общества попечительного о тюрьмах в Вологодской губернии // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. Вологда: Изд-во Волог. ин-та права и экон. ФСИН России. 2011. № 1 (13). С. 81–85.
  16. Тюремное служение Русской православной церкви / под ред. О. Скомороха, Н.В. Пономаревой. М., 2009. 576 с.
  17. Фридман Е.Ф. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1894. 124 с.
  18. Хорошко И.В. Становление, развитие и современное состояние деятельности Русской православной церкви в местах лишения свободы // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)». 2014. С. 85–95.
  19. URL: <http://fsin.ru/search/?q=%F2%FE%F0%E5%EC%ED%E5%F1%EB%F3%E6%E5%ED%E8%E5>
  20. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141716.html>

Угрозы информационной безопасности Советского Союза в середине 1960-х — начале 1980-х гг. и организационно-правовые меры по их нейтрализации

*Яковец Евгений Николаевич,
профессор кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности Академии управления
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
koshka997@yandex.ru*

В статье идет речь об обеспечении информационной безопасности Советского Союза в период, который нередко называют «застойным». В это время во внутривнутриполитической и экономической жизни страны уже наметились кризисные явления, явившиеся следствием формального отношения со стороны государства к вопросам морального воспитания граждан, что создавало внутреннюю информационную напряженность в обществе.

В этот же период внешние информационные угрозы по-прежнему требовали осуществления жестких законодательных мер по защите государственных устоев, и меры эти не всегда отвечали интересам рядовых граждан.

Ключевые слова: официальная пропаганда, политическая коррупция, кредит доверия к власти, служебная тайна, иностранные организации.

Threats to Information Security of the Soviet Union in the Middle of 1960s — the Beginning of 1980s and Organizational Legal Steps to Neutralize Them

*Yakovets Evgeniy N.,
Professor of the Department of Operational Search Activity Organization
of the Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Doctor of Law, Assistant Professor*

In article there is a speech about ensuring information security of the Soviet Union during the period which quite often call “stagnant”. At this time the crisis phenomena which have been a consequence of a conventional attitude from the state to questions of patriotic education of citizens that created internal information intensity in society were already outlined in internal political and economic life of the country.

During the same period external information threats still demanded implementation of drastic legislative measures on protection of the state foundations, and these measures weren't always equitable to interests of ordinary citizens.

Key words: official promotion, political corruption, credibility to the power, office secret, foreign organizations.

В рассматриваемый период средства массовой информации СССР в едином порыве вещали о неоспоримых преимуществах социалистического строя. Однако тот общественный строй, который был построен в СССР, несмотря на огромные жертвы и лишения многонационального советского народа, принесенные на алтарь Отечества за все послереволюционные годы, скорее напоминал государственный капитализм¹. Что

же, по мысли теоретиков научного коммунизма, в общих чертах представляет из себя истинный социализм?

Крупные предприятия, транспорт и его инфраструктура, энергетический комплекс, полезные ископаемые, а также другие клю-

революционный период; монография. М.: Московский пограничный институт ФСБ России, 2013; Яковец Е.Н. Советский профессиональный сыск на страже информационной безопасности строительства социализма сталинского типа: монография: в 2 ч. М.: Московский пограничный институт ФСБ России, 2015.

¹ Подробнее см.: Яковец Е.Н. Информационная безопасность советского государства в после-

чевые объекты экономики страны находятся под юрисдикцией государства, но работа их строится на хозрасчетной основе. Производства, нацеленные на выпуск предметов потребления, сфера услуг и торговля могут находиться в частных руках, поскольку государство не в состоянии вникать во все нюансы их деятельности. Оно не должно отвлекаться от решения глобальных социально-экономических проблем и задач, связанных с обеспечением своей безопасности. Все предприятия, в том числе и государственные, должны быть акционированы и находиться в долевой собственности их работников. Чиновников и служащих в стране должно быть ровно столько, чтобы обеспечивать разумные потребности эффективно управления народнохозяйственным комплексом, безопасность страны, защиту ее суверенитета и территориальной целостности. В стране должно быть установлено подлинное народовластие, олицетворением которого являются Советы народных депутатов всех уровней, избираемые на альтернативной основе из числа достойнейших граждан страны...

Видимо, так и рассуждали советские реформаторы середины 1960-х гг., пытавшиеся под руководством А.Н. Косыгина перестроить советскую экономику и общественную жизнь на новый лад. Однако у них ничего не получилось: слишком велика была сила инерции, преумноженная на формализм старой партийной номенклатуры, все более подменявший творческую активность трудящихся. Ей никаких перемен не требовалось — она и так уже жила как при коммунизме.

В высших эшелонах власти еще встречались подлинники государственники, которые трудились ради идеи, никогда не используя свое положение для извлечения личных материальных благ, но таких было мало и радикально повлиять на ситуацию в стране они не могли².

Жизнь все больше расходилась с теми пламенными, полными оптимизма призывами, на которые не скупилась советская официальная пропаганда. Несоответствие красивых слов истинному положению дел в стране, стремление выдать желаемое за действительное породили информационные угрозы, постепенное воздействие которых привело к образованию первых тре-

щин в основании незыблемых, на первый взгляд, устоев советского государства. В обществе уже не было того практически поголовного «драйва» раннего периода советской истории. В «брежневское» время кредит доверия народа к власти был уже основательно подорван. Критическому осознанию действительности способствовал достаточно высокий уровень образованности советских людей. Недаром СССР когда-то называли самой читающей страной в мире. Как показывает ход истории, некоторые члены общества, достигая высокого уровня образованности, рано или поздно становятся оппонентами государства. Не по этой ли причине в свое время из-под пера самодержца российского Александра III вышел указ «о кухаркиных детях»?

Однако подобное расслоение общества происходит не всегда, а только в период так называемого «застоя», когда есть время спокойно поразмышлять об окружающей действительности. Если текущие внешние или внутренние события не позволяют обществу «расслабиться», заставляя каждого мобилизоваться ради достижения жизненно важной цели, то и задумываться о происходящем особенно некогда. А значит и все сопутствующие проблемы либо исчезают совсем, либо отходят на второй план. Советский народ (да и российский тоже) в такие периоды, как правило, консолидируется вокруг своих правителей³.

Итак, к концу 1970-х гг. марксистско-ленинская идеология постепенно утрачивала свое значение. Идеология существовала отдельно, а жизнь текла по-своему⁴. И это несмотря на то, что в стране активно велась пропагандистская работа: функционировали научно-исследовательские институты, разрабатывавшие тактику и стратегию советской пропаганды. Многочисленные университеты марксизма-ленинизма при республиканских, областных, городских партийных организациях выпускали тысячи дипломированных лекторов и политинформаторов, призванных работать с населением. На каждом предприятии, в учреждениях и организациях действовали первичные партийные организации, которые неусыпно

² См.: Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Утаенные страницы советской истории. М.: Кучково поле, 2007. С. 309.

³ См.: Костиков В. Песочные часы. Россия утрачивает историческое время // Аргументы и факты. 2014. № 34. С. 11.

⁴ Кошель П.А. История российского сыска. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 385.

заботились о коммунистическом воспитании граждан. Даже в комсомольских и пионерских организациях средних школ создавались идеологические клубы и секции, в рамках которых ученики старших классов обучали политграмоте учащихся младшего возраста, не говоря уже об интенсивной политработе в Советской Армии и во всех силовых структурах. Тем не менее отдача от всех этих усилий была низкой. Почему?

Главная причина этого заключалась в том, что люди видели очевидные изъяны повседневной жизни, а власть предержавшие всеми силами старались их заретушировать. Причем многие из тех, кто организовывал и осуществлял пропагандистскую работу, сами не вполне твердо были уверены в правоте своих «проповедей». Эта работа была основана на «палочной», отчетной системе, регулировавшейся «сверху». Поэтому слушать полные лицемерия речи «дежурных» ораторов людям было скучно и неинтересно. Многие из этих «пропагандистов», кстати, впоследствии очень неплохо обустраивались в новых рыночных условиях, полностью переориентировавшись в своих взглядах.

В стране весьма значительными тиражами издавалась политическая литература, которая пылилась на полках книжных магазинов. Напротив, хорошей художественной литературы печаталось крайне мало. Для приобретения интересной и нужной книги, выходявшей малым тиражом, требовалось сдать 10 кг макулатуры или значительно переплатить спекулянту.

Самоуспокоенность, самолюбование и показуха — вот те негативные явления в высших эшелонах власти, которые предопределили дальнейшие кризисные явления в стране. Если при Хрущеве они только зарождались, то при Брежневе уже расцвели пышным цветом.

А.И. Гуров отмечает, что именно в этот период началось внедрение в легальную экономику мафиозных структур, чему в значительной мере способствовал и другой процесс — углубление политической коррупции. В органах власти и управления, верхних и средних эшелонах коммунистической партии распространялся принцип подбора кадров по типу властителей Рима: рука руку моет. И моет, как оказалось, не бесплатно. В южных республиках должность секретаря обкома стоила полмиллиона рублей, должность начальника УВД — 300 тысяч, работника ГАИ — от трех до пяти тысяч. За направление учиться — плати.

Налицо было слияние руководителей мафиозных структур в экономике с правящей номенклатурой⁵.

Все это видела и по-своему оценивала основная масса населения страны, которая жила лишь на одну зарплату. Недовольство рабочих и колхозников выражалось главным образом в пассивных и скрытых формах: прогулах, текучке, низком качестве труда, растущем алкоголизме. По данным социологических опросов, проводившихся в 1980-х гг., в полную силу трудилась едва ли треть работников⁶.

Таким образом, неэффективная и невнятная информационная политика советского руководства мало способствовала моральному сплочению советского общества вокруг коммунистической идеи. Этим можно объяснить и уязвимость СССР по отношению к постоянно усиливавшимся информационным угрозам, исходившим от его геополитических противников. Советским властям в ответ ничего другого не оставалось делать, как «глушить» западные радиоголоса, прорывавшиеся на территорию СССР, что являлось своеобразным способом обеспечения информационной безопасности государства.

Помимо этого, предпринимались и дополнительные правовые меры, призванные обеспечить защиту информации ограниченного доступа. В рассматриваемый период появился целый ряд новых законодательных и ведомственных актов, вот лишь некоторые из них:

— Указ Верховного Совета СССР от 23 июля 1966 г. «Об уголовной ответственности иностранцев и лиц без гражданства за злостные нарушения правил движения по территории СССР»;

— Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 октября 1970 г. «О мерах усиления режима секретности»;

— Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны и режима секретности проводимых работ, утвержденная 11 июля 1972 г. КГБ при Совете министров СССР;

— Постановление ЦК КПСС и Совет Министров СССР от 15 ноября 1976 г. № 941-323 «О мерах по дальнейшему совершенствованию систем сохранения государственных секретов»;

⁵ Гуров А.И. Красная мафия. М.: Самоцвет, МИКО «Коммерческий вестник», 1995. С. 62–63.

⁶ Основы курса истории России: учебник / В.И. Моряков, В.А. Федоров, Ю.А. Щетинов. М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2008. С. 417.

— *Инструкция по работе с секретными документами в аппарате ЦК КПСС*, утвержденная 12 февраля 1980 г. постановлением Секретариата ЦК КПСС;

— *Перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну, и Положение о порядке установления степени секретности категорий сведений и определения степени секретности сведений, содержащихся в работах, документах и изделиях*, утвержденные постановлением Совета Министров СССР 30 декабря 1980 г. № 1121-387; и др.

Перечисленные нормативные правовые акты предоставляли право оценивать степень секретности тех или иных сведений, в том числе входивших в закрытые нормативные акты, издававшиеся министерствами, ведомствами, предприятиями и организациями, их непосредственным руководителям.

Соответствующие должностные лица сами вправе были определять, имеют ли те или иные нормативные правовые акты «общее значение» или нет. Порой это открывало возможности для произвольного, порой неправомерного и неконтролируемого обществом ограничения прав и свобод граждан в сфере доступа к информации. Зачастую они не располагали возможностью судить о том, законно ли действует по отношению к ним то или иное должностное лицо, руководствующееся секретными инструкциями⁷.

Обзор изменений правовой основы защиты информации, произошедших в рассматриваемый период, будет неполным, если обойти вниманием дополнения, внесенные 11 января 1984 г. в Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «*Об уголовной ответственности за государственные преступления*»⁸. Согласно этим дополнениям в данном законе появилась норма, предусматривавшая уголовную ответственность за передачу иностранным организациям сведений, составлявших служебную тайну. С 30 января 1984 г. в УК РСФСР эта норма стала фигурировать как ст. 76-И. С введением данной статьи сведениям, составлявшим служебную тайну, стал присваиваться гриф «Секретно».

⁷ О правилах, допускающих применение неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан: заключение Комитета конституционного надзора СССР от 29 ноября 1990 г. № 12 (2-12).

⁸ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=1580&req=doc> (дата обращения: 16.11.2014).

Третья часть данной статьи предусматривала наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет за противоправные деяния, совершенные с использованием денежных средств или иных материальных ценностей, полученных от иностранных организаций. Подобным образом КГБ СССР пытался пресечь деятельность различных зарубежных общественных фондов, оказывавших помощь находившимся в заключении диссидентам и их семьям. Данная норма закона затрагивала в основном деятельность распорядителей этих фондов в СССР, которые, как небезосновательно полагали органы госбезопасности, были тесно связаны с иностранными разведками.

Сразу же после развала Советского Союза часть третьей ст. 76-И УК РСФСР была отменена. Вместе с тем опыт применения ее положений получил дальнейшее развитие в современном российском праве. Законодатель вынужден был вернуться к этому вопросу, когда речь зашла о необходимости усиления информационной безопасности Российской Федерации. Подобная норма появилась в нашумевшем некогда Федеральном законе от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «*О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации*»⁹, который получил неофициальное название «закон Димы Яковлева».

Следует напомнить, что наряду с прочими положениями, в нем говорится о запрете на передачу детей, являющихся гражданами Российской Федерации, с целью усыновления (удочерения) гражданам Соединенных Штатов Америки. Однако не только по этому поводу столь активная и долго сокрушавшая российская либеральная оппозиция, требовавшая отменить данный нормативный правовой акт в целом¹⁰.

В положениях пп. 1, 2 ст. 3 этого закона речь идет о том, что «деятельность некоммерческих организаций, которые участвуют в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, и безвозмездно получают денежные сред-

⁹ Российская газета. 2012. 29 декабря.

¹⁰ См., например: Марш за отмену «закона Димы Яковлева» в центре Москвы // Интерфакс. 2013. 13 января. URL: <http://www.interfax.ru/russia/284862> (дата обращения: 30.08.2014); 100 тыс. подписантов не сподвигли Госдуму на отмену «закона Димы Яковлева» // Expert Online. 2013. 14 января. URL: <http://expert.ru/2013/01/14/100-tyisyach-podpisanov-ne-spodvigli-gosdumu-na-otmenu-zakona-dimyi-yakovleva/> (дата обращения: 30.08.2014); и др.

ства и иное имущество от граждан (организаций) Соединенных Штатов Америки или реализуют на территории Российской Федерации проекты, программы либо осуществляют иную деятельность, которые представляют угрозу интересам Российской Федерации, приостанавливается...».

Данные нормы развивают положения ранее принятого Федерального закона РФ от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»¹¹. Кроме того, «законом Димы Яковлева» внесены изменения и дополнения в Уголовный кодекс РФ, где появилась новая ст. 330-1 (Злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента). По-иному сформулирована и ст. 239 УК РФ (Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан). В соответствии с ч. 2 данной нормы уголовно наказуемым теперь является создание и руководство некоммерческой организации, деятельность которой сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний.

Однако вернемся во времена «застоя». Неспособность высшего руководства КПСС своевременно решать острые и жизненно важные проблемы постепенно привела к экономическому отставанию СССР от развитых стран Запада. В сравнении двух политических систем на экономическом поле маятников достижений качнулся в сторону последних.

Советская административно-командная система, сформировавшаяся в 1930-е гг., находилась на грани распада. Существенную негативную роль в данной ситуации сыграли и внешние факторы. Свою лепту в деструктивные процессы, зарождавшиеся в советском обществе, внесла жесточайшая геополитическая борьба за сферы влияния между супердержавами — США и СССР. Помимо конфронтации с Советским Союзом в силовой и разведывательной составляющих этой борьбы страны Запада начали использовать приемы так называемой «мягкой силы». Прежде всего, это касалось распространения западных «духовных ценностей», которые, как вышло на поверку, ценностями

вовсе и не являлись. Культивирование потребительского отношения к жизни и окружающим, индивидуализма, стяжательства и наживы, культура жестокости и насилия, стирание традиционной гендерной ориентации индивида, насаждение национализма и др. — вот те ориентиры, которые, несмотря на «железный занавес», весьма активно прививались западными политиками, средствами массовой информации, представителями «поп-культуры» советскому обществу, да и сегодня прививаются россиянам. Однако пропагандируемая ими «свобода» быстро перерастает во «вседозволенность», в полное отсутствие человеческих рамок, в какую-то анархию со всеми ее духовными перекосами, с безвкусицей и пошлостью¹².

«Ползучая контрреволюция», призванная захлестнуть СССР и добравшаяся до самого верха, в значительной мере была инспирирована извне. Наряду с этим она активно поддерживалась и деструктивными силами внутри страны. Реакция советской контрпропаганды на эти информационные вызовы была вялой и невразумительной.

В этой ситуации стране был нужен другой лидер — желателен молодой, сильный, харизматичный, способный увлечь за собой народные массы новыми идеями. И такой человек вскоре появился. Но о нем — в следующей статье...

Литература

1. Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Утаенные страницы советской истории / А.Ю. Бондаренко, Н.Н. Ефимов. М.: Кучково поле, 2007. С. 309.
2. Гуров А.И. Красная мафия / А.И. Гуров. М.: Самцвет: МИКО «Коммерческий вестник», 1995. С. 62–63.
3. Костиков В. Песочные часы. Россия растрчивает историческое время / В. Костиков // Аргументы и факты. 2014. № 34. С. 11.
4. Кошель П.А. История российского сыска / П.А. Кошель. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 385.
5. Основы курса истории России: учебник / В.И. Моряков, В.А. Федоров, Ю.А. Щетинов. М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2008. С. 417.
6. Яковец Е.Н. Информационная безопасность советского государства в послереволюционный период: монография / Е.Н. Яковец. М.: Московский пограничный институт ФСБ России, 2013.
7. Яковец Е.Н. Советский профессиональный сыск на страже информационной безопасности строительства социализма сталинского типа: монография: в 2 ч. / Е.Н. Яковец. М.: Московский пограничный институт ФСБ России, 2015.

¹² Опора на свое или русское чучхе: интервью музыканта А.Ф. Скляра корреспонденту еженедельника «Аргументы недели» С. Рязанову // Аргументы недели. 2014. № 36 (426). С. 3.

¹¹ Российская газета. 2012. 23 июля.

Уважаемые авторы!

1. Материалы предоставляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 20 000 знаков. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Предоставляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление, которое можно скачать на сайте ИГ «Юрист». Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается.

4. Статья должна содержать:

- а) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;
- б) название статьи с переводом на английский язык;
- в) аннотацию на русском и английском языках (4–5 строк);
- г) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);
- е) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);
- ф) контактный телефон (для редакции);
- г) точный почтовый адрес с индексом (для направления авторских экземпляров). Автору предоставляется 1 бесплатный экземпляр журнала с опубликованной статьей.

Кроме того, в конце статьи автор помещает пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Обращаем ваше внимание на то, что список нормативных актов располагается по юридической силе и помещается в отдельном списке. Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию для аспирантов и соискателей необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru.**

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7